

Munich Personal RePEc Archive

**Discourse analysis in economics:
methodology and history of economics
reconsidered. Part I. Another
methodology of economics**

Yefimov, Vladimir

Independent researcher

May 2011

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/49157/>
MPRA Paper No. 49157, posted 19 Aug 2013 11:12 UTC

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

В. М. Ефимов

Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки

ЕФИМОВ Владимир Максович — доктор экономических наук (Центральный экономико-математический институт АН), PhD (Женевский университет), независимый исследователь (Франция).

Email: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Тем, кто знали правила поведения различных участников рынка жилья в США, было достаточно просто распознать набухающий пузырь на этом рынке и предвидеть, что он неизбежно лопнет. А знать эти правила, кроме тех, кто непосредственно применял их на практике, могли только те, кто не гнушался непосредственными контактами с участниками этого рынка, например, в форме интервью. Если говорить более обобщённо, то социально-экономические регулярности проистекают из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определёнными социально сконструированными правилами, и эти правила объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим некоторых историй (stories). Приняв это утверждение, нужно согласиться и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей мы должны осваивать и анализировать эти истории. Современная экономическая наука не занимается изучением дискурсов экономических акторов и тем самым лишает себя способности понимать и прогнозировать экономические явления. Изучение дискурсов есть не отход от научных стандартов, заложенных в естествознании, а наоборот, приближение к ним, так как практически все социальные взаимодействия опосредствуются языком. В статье предлагается альтернатива различным типам практикуемой в настоящее время институциональной экономики, а также таким направлениям современной экономической дисциплины, как поведенческая и экспериментальная экономика. В первой части статьи, которая и публикуется в настоящем номере, характеризуется дискурсивная методология и её современные применения к анализу экономических явлений. Вторая часть статьи выйдет в следующем номере журнала. Она посвящена дискурсивному анализу истории и современного состояния экономической дисциплины, и в ней осуществляется пересмотр «спора о методах» (Methodenstreit), а также обсуждаются условия радикальной институциональной реформы действующей сейчас экономической дисциплины.

Ключевые слова: институциональное знание; дискурсивный анализ; поведенческая и институциональная экономика.

* Мне хотелось бы поблагодарить д. э. н. В. В. Вольника за обсуждение идей данной статьи и замечания по её тексту. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Часть I. Иная методология экономической науки

1.1. От классической к постнеклассической методологии науки

Я подозреваю, что обычно члены сообществ академических экономистов всерьёз не очень-то задаются вопросом о социальной полезности своей деятельности, однако бывают и исключения. С этой точки зрения представляет большой интерес статья-исповедь израильско-американского профессора экономики Ариэля Рубинштейна, перевод которой на русский язык был опубликован в журнале «Вопросы экономики» (см.: [Рубинштейн 2008]). Сразу стоит заметить, что автор не является каким-то протестующим маргиналом; это очень уважаемый международным сообществом экономистов учёный, автор нескольких учебников и монографий, бывший президент Эконометрического общества. Да и статья, о которой идёт речь, есть не что иное, как переработанная версия его президентского доклада этому обществу в 2004 г. В статье он задаёт вопрос: «Ради чего работают экономисты-теоретики?» И сам же на него отвечает: «По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь — оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. Мы назвали себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики, способствуем более высоким темпам экономического роста или предотвращаем экономические катастрофы. Разумеется, можно оправдать такой имидж, воспроизводя некоторые из громко звучащих лозунгов, которые повторяются из раза в раз в наших грантовых заявках, но верим ли мы в эти лозунги?» [Рубинштейн 2008: 62]. Откровенность автора действительно не знает границ, и статья-исповедь полна всевозможных саморазоблачений: «Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьёзных консультаций < ... >. Как экономисты-теоретики мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово “модель” звучит научнее, чем “басня” или “сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу < ... >. Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» [Рубинштейн 2008: 79–80]. Рубинштейн пишет примерно о том же, о чем более 30 лет тому назад говорил Василий Леонтьев в своем президентском докладе Американской экономической ассоциации (American Economic Association, АЕА), характеризуя эту «модельно-басенную» ситуацию в экономической науке того времени как скандальную и бесчестную [Леонтьев 1972: 102–103]. Единственная разница состоит в том, что в начале 1970-х годов Леонтьев считал эту ситуацию ненормальной и призывал её изменить, а Рубинштейн, через 30 лет, принадлежа уже к другому поколению академических экономистов, отобранных и воспитанных в соответствии с этой модельно-басенной парадигмой, судя по всему, считает эту ситуацию вполне приемлемой. Вряд ли можно себе представить, чтобы такие физики-теоретики, как Вернер Гейзенберг, Нильс Бор или Альберт Эйнштейн, вдруг объявили, что им «почти нечего сказать о реальном мире».

Далее автор, являющийся преподавателем микроэкономики, фактически признает идеологический характер современной экономической науки: «Я часть “машины”, которая, как я подозреваю, влияет на студентов и вырабатывает в них такой образ мыслей, который мне самому не очень-то и нравится» [Рубинштейн 2008: 75]. И несмотря на то что исповедующемуся экономисту-теоретику «почти нечего сказать о реальном мире», он признаёт, что его «экономическая теория обладает реальным воздействием»: «Я не могу игнорировать тот факт, что наша работа в качестве преподавателей и исследователей влияет на умы студентов, причем так, что мне это, повторю, не очень нравится» [Рубинштейн 2008: 79]. Повидимому, сам факт появления этой исповеди связан именно с тем, что преподаваемая профессором

Рубинштейном в качестве «теолога» «религия»¹ ему не очень нравится. Судя по всему, у большей части сообщества академических экономистов этой проблемы не возникает.

Примером современного стандартного дискурса среди экономистов относительно так называемого научного метода может служить ответ группы профессоров экономики французских университетов на протест студентов-экономистов связанный с учебными планами и программами, которые погружают их в «вымышленные миры», и их призыв выйти из этих миров. Вот отрывок из ответа профессоров студентам, опубликованного 31 октября 2000 г. в «Le Monde»: «Нам кажется действительно важным, чтобы экономика сохраняла метод, соответствующий традиционному научному подходу, который может быть описан в виде трёх последовательных этапов рассуждения:

- идентификация и точное определение понятий и свойств, которые характеризуют экономическую деятельность (потребление, производство, капиталовложения...), и формулирование базовых гипотез относительно этих свойств;
- формулирование теорий, которые представляют собою формализацию функциональных связей между предварительно идентифицированными элементами;
- проверка (верификация) этих теорий путём эксперимента. Если не доказано обратное, в экономике такой эксперимент *не может быть построен никак иначе* (выделено мною. — В. Е.), как путём сопоставления с количественно выраженной историей на основе статистики и эконометрики».

В соответствии с вышеприведённым пониманием научного подхода, экономическая наука может считаться наукой только в том случае, если она разрабатывает систему понятий, которые представляются в количественном виде в качестве переменных и параметров математических моделей. Для членов сообщества экономистов, не использующих математические и статистические методы, понимание научного подхода сводится в значительной степени также к дедуктивной манипуляции абстрактными понятиями, которые часто достались им в наследство от основателей их школ, например, от Карла Маркса или Джона Мейнарда Кейнса, при достаточно отдалённом наблюдении за объектом исследования. Если ортодоксальные экономисты, хотя бы на словах, требуют верификации или фальсификации своих теорий, то неортодоксы обходятся и без этого. Так, например, Жак Сапир уверен, что «если для экономиста научным является только то утверждение, которое можно проверить, то ему редко когда удастся высказать какое-либо научное утверждение» [Сапир 2001: 19]. Мой собственный исследовательский опыт говорит не в пользу этой уверенности. Мои «утверждения» относительно институциональных процессов в российском селе [Yefimov 2003; Ефимов 2009; 2010], основанные на многолетних «полевых» исследованиях, в значительной степени подтверждаются исследованиями Татьяны Нефёдовой [Нефёдова 2003; Нефёдова, Пэллот 2006]). Вместо подтверждения, основанного на опыте, Сапир вводит некоторые обязательные правила и называет их совокупность процессуальным [Сапир 2001: 21],

¹ Насколько современная западная экономическая наука близка теологии по своей методологии и по своему духу? Вот что пишет об этом профессор экономики Мэрилендского университета Роберт Нельсон в начале своей книги, посвящённой развёрнутому рассмотрению этого вопроса: «Экономисты думают о себе, как об учёных, но я буду оспаривать это в книге, ибо они скорее теологи. Самые близкие предшественники нынешних академических экономистов не учёные, такие, как Альберт Эйнштейн или Исаак Ньютон; правильнее было бы сказать, что мы, экономисты, являемся в действительности наследниками Фомы Аквинского и Мартина Лютера» [Nelson 2001: XV]. По его мнению, члены сообщества академических экономистов выполняют традиционную роль священнослужителей. Автор книги считает, что мощная религия, которую они проповедуют, представляет собой светскую (мирскую) религию, или, правильнее сказать, некоторое множество светских религий развитых в теориях ведущих экономических школ современности. «Под видом формального экономического теоретизирования экономисты читают некоторые религиозные проповеди-откровения. Правильно понятые, эти проповеди-откровения есть не что иное, как обещания истинного пути к спасению в мире — пути к новому Царствию Небесному на земле» [Nelson 2001: XX–XXI].

или методологическим [Sapir 2005: 12–13] реализмом. В своём понимании реализма Сапир апеллирует не к экспериментальному контакту с реальностью, а к правилам исследовательской процедуры. Именно следование ей, по мнению большинства академических экономистов, как ортодоксов так и неортодоксов, может обеспечить научность их деятельности. Осуществляя в течение многих лет «полевые» исследования деятельности учёных-естественников, Кнорр-Цетина показала, что в реальной практике процедуры могут существенно варьироваться, например, в физике высоких энергий и молекулярной биологии, образуя разные «эпистемические культуры», а научность связана именно с проверяемостью результатов исследования, которые оперативно осуществляются членами научного сообщества, работающими над теми же или сходными проблемами в разных научных учреждениях, расположенных нередко в разных концах мира [Knorr-Cetina 1999].

Желание академических экономистов сохранить за своей деятельностью статус науки вполне понятен. Вопрос состоит в том, что нужно для того, чтобы этот статус соответствовал действительности? Достаточно очевидно и то, что естествознание, с его огромными достижениями, должно рассматриваться для экономической науки если не как детальная модель, то, по крайней мере, как некий общий образец. Только для следования этому образцу следует понять, что же на самом деле обеспечило успех этого образца. Можно попытаться найти ответ на этот вопрос в истории естествознания, в частности в истории физики. Обязательной составляющей ответа, который нам даёт история, является непрерывный контакт исследователей либо непосредственно с изучаемым объектом (как, например, во времена Галилея, наблюдение в телескоп за планетами), либо использование данных собранных другими исследователями об этих объектах (например, информацию о траекториях планет). Позже, при Ньютоне, пассивное наблюдение было заменено экспериментом. Даже физики-теоретики, сами экспериментов не проводившие, не могли заниматься своими исследования без постоянной подпитки информацией об экспериментах. Эта черта естественнонаучных исследований подтверждается ещё в большей мере социологией науки, которая изучает современное естествознание как человеческую деятельность (например, физику высоких температур [Traweek 1988], молекулярную биологию [Knorr-Cetina 1999] или нейроэндокринологию [Latour, Woolgar 1979]). Вообще двум известным современным исследователям естествознания, Карин Кнорр-Цетиной и Брюно Латуру, есть, что сказать обществоведам и экономистам относительно того, что из себя представляет на практике естественнонаучное исследование и каким оно должно быть в области общественных наук [Knorr-Cetina 1991; Латур 2006а].

Вот ответ Латура на вопрос о том, как общественным дисциплинам, в том числе экономике, стать действительно наукой: «Если обществоведы хотят стать объективными, они должны найти такую редчайшую, ценную, локальную, чудесную ситуацию, в которой сумеют сделать предмет максимально способным возражать тому, что о нём сказано, в полную силу сопротивляться протоколу и ставить собственные вопросы, а не говорить *от лица учёных*, чьи интересы он не обязан разделять! Тогда поведение людей в руках обществоведов станет таким же *интересным*, как поведение вещей в руках “физиков”» [Латур 2006а: 353]. Кнорр-Цетина в статье, опубликованной в журнале «История политической экономии» и адресованной прежде всего экономистам, так характеризует исследовательский процесс, изучению которого она посвятила многие годы: «Молекулярные генетики взаимодействуют с “миром” — конечно, таким как он представлен в лаборатории, но это представление не мешает сопротивлению, а наоборот, усиливает его. Они образуют часть поведенческого мира, в котором “вещи” являются не пассивными получателями воздействий, а активно реагирующими элементами. В то время как учёные действуют на уровне организации экспериментальных данных, устанавливается некая система, которая предоставляет постоянные возможности для взаимной реконфигурации, подстройки и адаптации» [Knorr-Cetina 1991: 120]. И далее, по-видимому, обращаясь непосредственно к экономистам, она пишет: «Это означает, что в этой системе существуют широкие возможности для науки непрерывно “реформироваться” и приобретать новую форму вокруг объектов, с которыми она сталкивается, независимо от того являются ли они культурными объектами или нет» [Knorr-Cetina 1991: 120].

Что касается связи экспериментальной («лабораторной») науки с теорией, то на основании своих «полевых» исследований Кнорр-Цетина делает следующие выводы: «Большая часть лабораторной науки в молекулярной генетике ни прямым образом не основана на каких-либо теоретических представлениях, никак кажется, не очень-то вовлечена в их построение. В молекулярной генетике теоретические утверждения могут в действительности быть *ad hoc* “рационализациями” собранных данных» [Knorr-Cetina 1991: 120].

Данный Латуром и Кнорр-Цетиной образ реальной современной науки мало похож на те, к которым обычно апеллируют экономисты. Из вышеприведённых описаний следует, что *современная наука — это, прежде всего, генерация и обработка данных об изучаемом объекте путём активного взаимодействия с ним на базе проведения экспериментов*. Именно это условие в большинстве случаев экономистами не выполняется. По отношению к данным экономисты ведут себя очень пассивно. Чаще всего они удовлетворяются прессой и статистикой. Таким образом, экономическая наука живёт в условиях постоянного информационного голода, и именно из-за отсутствия качественного информационного питания она в настоящее время находится, по существу, в состоянии клинической смерти. В общественном знании вообще и в экономической науке в частности качественные методы исследования (такие, как активные беседы-интервью, включённые наблюдения, исследование действием) позволяют исследователю достигать «близости» между ним и объектом его изучения, когда объекты получают возможность реагировать, «противостоять» высказываниям исследователя о них. Именно *возможность получать реакции объекта на наши представления о нём*, сравнивать одно с другим и, исходя из этого, скорректировать наши представления об изучаемом объекте, и является *отличительной чертой научного исследования*.

Дискурс о том, что такое наука, экономисты практикуют вот уже более полутора веков. Он достался нам в наследство от Нового времени, крупнейшим мыслителем которого был Декарт. Негативные последствия развитого им типа мышления были и остаются значительными: «Картезианство разрушило баланс, который должна поддерживать истинная наука: баланс между мышлением и наблюдением, дедукцией и индукцией, воображением и здравым смыслом, размышлением и действием, разумом и страстью, абстрактным мышлением и реализмом, миром внутри и миром вовне рассудка. Под воздействием картезианства вторые элементы в названных парах были пожертвованы первым < ... >. Декартовские эпистемологические размышления открыли эру аксиоматического, аисторического, дедуктивного мышления» [Mini 1994: 39]. Картезианский дуализм с его разделением знания и действия, объекта и субъекта, факта и оценки, теории и практики служит эпистемологическим основанием неоклассической экономикс [Bush 1993: 65], да и большинства неортодоксальных направлений экономической науки.

Прогресс в исследованиях нередко сопряжён с отбрасыванием ложных дихотомий. Именно коперниковская революция, с которой обычно связывают начало Нового времени, и сделала шаг в этом направлении. Обосновав и развив идею Коперника о гелиоцентрической системе, Галилей, по существу, отбросил дихотомию «земля — небо», используя понятие пространства. А поскольку наука для изучения пространства уже существовала (геометрия), то его теория стала математической. Порождением Нового времени являются такие ложные дихотомии как рационализм — эмпиризм и материализм — идеализм. Обычно «измы» в каждую эпоху несут на себе определённую ценностную окраску, разделяемую членами определённых научных сообществ. Так, в настоящее время сообщества экономистов скорее положительно относятся к рационализму и, возможно, к материализму, но отрицательно к эмпиризму и идеализму. При этом соответствующие термины часто используются уже не как обозначения достаточно сложных доктрин, а как ярлыки, навешиваемые по тем или иным причинам научным противникам. Элементами традиционного (нововременного) представления о научном исследовании являются *объект исследования, исследователь и идеи и (или) теории (см. рис. 1)*.

приводит их к одному и тому же заключению. Эта деятельность мысли, которая влечёт нас не туда, куда мы хотим, но к предопределённой цели, подобна действию судьбы. Никакое изменение принятой точки зрения, никакой отбор других фактов для изучения, ни даже естественная склонность ума не могут позволить человеку избежать предустановленного мнения. Эта великая надежда воплощена в концепции истины и реальности. Мнение, которому суждено стать общим соглашением исследователей³, есть то, что мы имеем в виду под истиной, а объект, представленный в этом мнении, есть реальное. Вот так я бы стал объяснять реальность» [Пирс 2000a: 291, 292]. Что же это за внешняя и чуждая исследователям сила, которая приводит их к одному и тому же заключению? Сейчас вместе с Брюно Латуром можно сказать, что это сила сопротивления объекта исследования, и её, в принципе, неизбежно *одинаково* ощущают все члены научного сообщества, вовлечённого в экспериментальное взаимодействие с ним. Именно одинаковость этого сопротивления и ведёт исследователей к общему соглашению. А сопротивляется объект тому, что о нём утверждают члены сообщества исследователей. Утверждают они это с помощью определённых понятий, и Пирс, по существу, имеет в виду сопротивление (хотя и не использует само это слово), говоря, что «он сформулировал теорию (“прагматизм”) о том, что *понятие* (conception), то есть рациональный смысл (*rational purport*) того или иного слова или выражения, состоит исключительно в его возможном отношении к жизненному поведению (*conduct of life*)» [Пирс 2000a: 298; 2000b: 156]⁴.

Далее, решающий вклад в разрушение нововременного представления о научном исследовании внесли Т. Кун пониманием научных революций [Кун 2002] и П. Фейербенд своим выступлением *против отождествления научности с особым научным методом*, то есть совокупностью правил, управляющих деятельностью науки: «Процедура, осуществляемая с соответствующими правилами, является научной; процедура, нарушающая эти правила, ненаучна» [Фейербенд 2007: 18]. Наконец, социальный конструктивизм⁵ [Бергер, Лукман 1995] предоставил тот строительный материал, с помощью которого можно было уже построить новое, значительно более реалистичное, чем традиционное (нововременное), представление о научном исследовании. Безусловно, большую роль в определении очертаний нового представления о научном исследовании сыграли саморефлексии таких выдающихся исследователей, как Нильс Бор и его ученик Вернер Гейзенберг⁶.

Можно сказать, что всё уже было готово для того, чтобы предложить в явном виде новую схему научного исследования, которая, в отличие от традиционной, действительно отражала бы научно-исследовательские практики. Однако этого не произошло до тех пор, пока научными практиками не стали серьёзно заниматься *антропологи*. Первыми из них были Брюно Латур и Стив Вулгар [Моркина 2010] и Карин Кнопп-Цетина [Кнопп-Цетина 1981]. За ними последовали и другие, в том числе Шарон Трэуик [Тraweek 1988], осмелившийся изучать как антрополог современную экспериментальную физику — «*The World of High Energy Physicists*» («Мир физики высоких энергий») (таков подзаголовок его книги). Философ по базовому образованию, Брюно Латур внёс большой вклад в понимание функционирования естественных наук не столько как философ, читающий книжки и предлагающий свои

³ Здесь перевод по отношению к цитируемому источнику скорректирован по: [Пирс 2000b: 151].

⁴ Перевод исправлен мною по изданию: [Reigse 1998: 332].

⁵ О различных формах конструктивизма см.: [Улановский 2009b].

⁶ По существу, Гейзенберг пришёл к идее конструктивизма, утверждая, что «науку делают люди», к мысли о социальном характере научной деятельности, говоря, что «естественные науки опираются на эксперименты, они приходят к своим результатам в беседах людей, занимающимися ими и совещающихся между собой об истолковании экспериментов» [Гейзенберг 2006: 277]. Именно Бор и Гейзенберг развенчали нововременную догму о том, что присутствие исследователя не должно влиять на результаты эксперимента: «Мы не можем вести наблюдения, не внося помеху в наблюдаемый феномен, и влияние квантовых эффектов на инструменты наблюдения само по себе вызывает неопределённость в наблюдаемом феномене < ... >. Но не следует здесь видеть нарушение феномена наблюдением; лучше говорить о невозможности объективизировать результат наблюдения так, как это происходит в классической физике» [Гейзенберг 2006: 379–380].

абстрактные построения на базе априорного метода, а как антрополог и историк. В течение двух лет Брюно Латур и его соавтор Стив Вулгар изучали деятельность лаборатории нейроэндокринологии в одном из калифорнийских научно-исследовательских институтов⁷. Результаты этой работы отражены в книге Латура и Вулгара «*Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts*» («Лабораторная жизнь. Социальное конструирование научных фактов») [Latour, Woolgar 1979]. Затем уже как историк Латур провёл историческое исследование открытия Луи Пастером микробов. Изучая работу Пастера и его учеников в 1870–1914 годах, Латур показывает, как в этот период бактериология и французское общество преобразовывались вместе [Latour 2001].

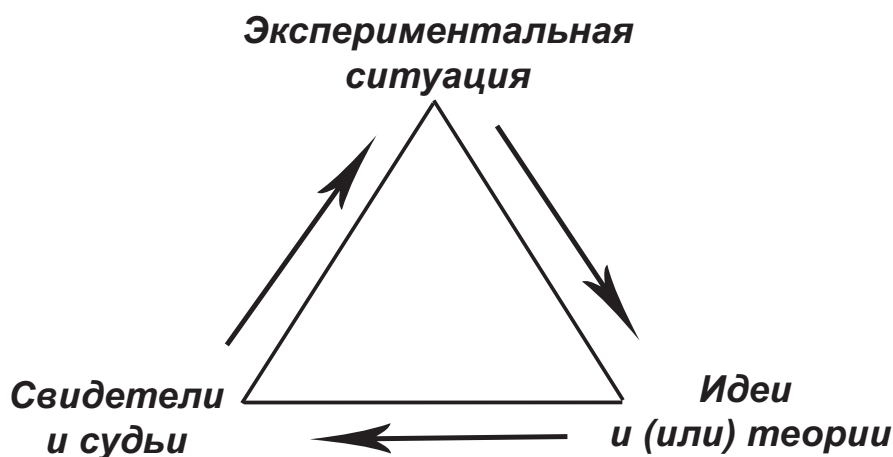

Рис. 2. Конструктивистское представление о научном исследовании

На рисунке 2 я предлагаю схему научного исследования, основанную на социальном конструктивизме, которая подытоживает то, к чему пришли немало методологов науки. Конструктивистское представление о научном исследовании не имеет ничего общего с тем традиционным представлением о нём, которое было показано на рисунке 1. Исследования Латура, равно как и других специалистов в «*Science Studies*» [Pestre 2006], показывают, что реальные практики экспериментальной науки не следуют сейчас и *не следовали никогда в прошлом* традиционной нововременной схеме. В этом смысле «мы никогда не были нововременными» («*Nous n'avons jamais été modernes*») [Latour 1997], или, что менее коряво по-русски: «Нового времени не было»⁹, то есть не было для научных практик. Это представление позволяет полностью поменять дискурс относительно науки и научного исследования, поворачивая его в сторону «как оно есть» от «как должно быть» моральной философии [Leroux, Livet 2006]. Ведь именно *реальная* наука, как она была в прошлом, начиная с Галилея с его телескопом, и как она есть сейчас, в частности в Европейском центре ядерных исследований в Женеве с его Большим адронным коллайдером, обеспечила нам то, что обычно называют плодами научно-технического прогресса. Нередко можно слышать упреки экономистам (я и сам грешен, каюсь), что они следуют естественнонаучной традиции и не учитывают специфики своего объекта исследования. Но на самом деле экономисты следовали не естественнонаучной традиции, а нововременному дискурсу о ней, но сама традиция и определённый дискурс о ней — это разные вещи. Если бы большинство экономистов действительно

⁷ Эту лабораторию Латур выбрал прежде всего потому, что ею руководил американец французского происхождения, да к тому же уроженец той же французской провинции, что и сам Латур. Однако такой «ненаучный» выбор оказался очень успешным: руководитель лаборатории Роже Гиймен получил Нобелевскую премию по медицине 1978 г.

⁸ В издании 1986 г. Латур убрал в подзаголовке книги «Социальное конструирование научных фактов» слово «социальное», а во французском издании был заменён и сам подзаголовок на «Производство научных фактов» [Latour 2005]. Тем самым Латур хотел подчеркнуть, что *субъективность научной деятельности не меняет объективный характер её результатов*. Именно в этом, на мой взгляд, и состоит основная заслуга Латура как методолога науки.

⁹ Именно такое название — «Нового времени не было» — получила одна из центральных методологических книг Латура при издании на русском языке [Латур 2006b].

следовали этой традиции, то человечество, возможно, не имело бы столько неприятностей в XX в.¹⁰, а России удалось бы избежать двух национальных катастроф, в начале и в конце века, и сейчас, перед лицом кризиса, российское общество находилось бы в менее растерянном положении.

Конструктивистское представление о научном исследовании отбрасывает все дихотомии, «измы» и метафоры, сопровождавшие традиционное представление. В нём объект исследования не отделён от исследователя, как это имело место в нововременной схеме, а образует вместе с исследователем и его «инструментами» *экспериментальную ситуацию*. Идеи и теории, генерируемые такой ситуацией, оцениваются определённым сообществом, в составе которого условно можно выделить свидетелей и судей. Разница между первыми и вторыми состоит в том, что свидетели только высказывают своё мнение относительно идей и (или) теорий, а судьи, кроме этого, опираясь, возможно, на мнение свидетелей, принимают решения, которые оказывают самое непосредственное влияние на судьбу как идеи и (или) теории, так и будущего экспериментальной ситуации. Большая часть членов научного сообщества составляет только свидетелей; ими могут быть также представители некоторых сегментов общества, так или иначе затронутых порождаемыми идеями и (или) теориями. Среди судей присутствуют не только облечённые властью члены научного сообщества, но и лица, не принадлежащие к этому сообществу, но обладающие властью по отношению к нему.

Конструктивистская схема ни в коей мере не является воплощением релятивизма. Институционально закреплённая черта естествознания, о которой уже говорилось в этой статье, а именно латуровское понимание научной объективности, связанное с сопротивляемостью объекта исследования исследователю, не оставляет релятивизму места. Несколько видоизменяя фразу, предложенную О. В. Хархординым, редактором перевода книги «Нового времени не было», для характеристики этого центрального латуровского положения, можно сказать, что *основное свойство объекта исследования — это отметить фантазии учёных о нём*. Вот что по этому поводу применительно к общественным наукам пишет сам Латур: «К сожалению, несмотря на то, что эти вездеходы “научной методологии” делают обществоведов внешне похожими на настоящих учёных, они оказываются фальшивой и дешёвой имитацией, как только мы возвращаемся к нашему определению объективности как способности объекта достойно противостоять тому, что о нём сказано. Если мы потеряем эту способность объекта влиять на научный результат (чем гордятся сторонники количественных методов), мы потеряем и саму объективность» [Латур 2006а: 353].

Предложенная выше мысль о смене традиционного представления о научном исследовании на конструктивистское созвучна идеям академика В. С. Стёпина о периодизации развития науки как науки классической, неклассической и постнеклассической [Стёпин 2003; 2009а]. В своей недавней работе академик, основываясь на конструктивизме, объясняет смену научных онтологий [Стёпин 2009б]. *Классическое* естествознание, по его мнению, основано на идеях механицизма, изучаемые им объекты состоят из небольшого числа элементов, и свойства объекта в целом выводятся из свойств составляющих его элементов. Отделение объекта исследования от исследователя (познающего разума) рассматривается как абсолютно необходимое условие получения достоверного объективного знания. Несложно заметить, что классическое естествознание достаточно легко «вкладывается» в традиционную нововременную схему научного исследования. Такое «вкладывание» становится невозможным для *неклассического* естествознания, которое начинается в конце XIX в. и заканчивается в середине XX в. В этот период возникают и развиваются теория относительности, квантовая механика, генетика, кибернетика и теория систем. При этом происходит отказ от идеала единственно истинной теории, допускается истинность нескольких конкурирующих теорий относительно одного и того же объекта. Проведение

¹⁰ Вместо того чтобы снабжать политических лидеров пониманием социально-экономической реальности, почерпнутым из непосредственных контактов с объектом исследования, экономисты поставляли им такие разрушительные идеи, как классовые антагонизмы или абсолютная эффективность рынка.

чёткого водораздела между объектом и субъектом исследования размывается, и принимаются такие типы объяснения и описания, которые содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Объектами исследования становятся сложные многоэлементные системы с уровневой организацией, массовым стохастическим взаимодействием между элементами, с управляющим уровнем и обратными связями, что обеспечивает целостность системы. Свойства систем не сводятся к свойствам её элементов. Претерпевает изменение и понятие причины. В последней трети XX в. начинается период *постнеклассической науки*. Этот период определяют комплексные исследовательские программы междисциплинарного типа. Происходит сращивание теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний [Стёпин 2003]. Необходимость приведения методологического дискурса относительно науки в соответствие с этими исследовательскими реалиями делает неизбежной принятие конструктивистского представления о научном исследовании (см. рис. 2).

Методологию науки, основанную на традиционном представлении о ней, можно назвать классической, так как, с одной стороны, противоречие между этим методологическим дискурсом и исследовательской практикой классического естествознания не очень бросается в глаза, а с другой — соответствующая традиционному представлению о научном исследовании философия науки обычно именуется классической [Пржиленский 2005]. Постнеклассическая наука хорошо «вкладывается» в конструктивистское представление о научном исследовании, и методологию, связанную с этим представлением, можно было бы назвать постнеклассической. Такие экономисты прошлого, как Дж. С. Милль [Милль 2011 (1843)], У. С. Джевонс [Jevons 1958 (1873)] и Дж. М. Кейнс [Keynes 2006 (1920)], внесли свой вклад в развитие классической методологии. Современная западная методология экономикс¹¹ по-прежнему опирается на классическую методологию науки, последним крупным представителем которой был Карл Поппер. В настоящее время можно считать доказанным, что картезианизм классической философии науки, выражающийся в дуализме, метафоре закона и сведении научного мышления к логике (дедуктивной и индуктивной), проистекает из средневековой философской мысли, тесно связанной с теологией [Gilson 1930; Secada 2000; Gillespie 2008]. Экономическая наука возникла первоначально в форме политической экономии, являющейся продолжением моральной и политической философии. Так же, как и классическая философия науки, политическая экономия, начиная с Адама Смита, имеет свои теологические родимые пятна [Waterman 2004]. Эта общность идейных истоков классической философии науки и институционализированной в настоящее время экономической науки объясняет тот факт, что экономическая методология была и, на мой взгляд, во многом остаётся попперианской [Mäki 1993: 5].

Вот как характеризует философское наследие Карла Поппера один из виднейших философов конструктивистского направления Ром Харре: «Он [Поппер. — В. Е.] являлся последним из великих логиков, который в наиболее систематичном, последовательном и безжалостном виде продвигал логическую программу философского исследования. Провал попперовских проектов драматическим образом показывает нам ограниченность рационалистического идеала, когда он разрабатывается в терминах логики. Я думаю, что человеческие существа используют рациональные процедуры, но они должны быть поняты по отношению к значительно более богатым формам мысли и языка, чем может быть схвачено в формах традиционной логики истины и лжи» [Harré 1994]. Конструктивистская постнеклассическая методология экономической науки¹² должна сконцентрировать своё внимание не на процедурах построения теорий и способах их верификации или фальсификации, но на *способах организации экспериментальных ситуаций*, в которых объект и субъект исследования не отделены друг от друга, а активно взаимодействуют. В вышеприведённом высказывании Рома Харре, являющегося сторонником фило-

¹¹ См.: [Caldwell 1982; Hausman 1992; De Marchi 1992; Mäki, Gustafsson, Knudsen 1993; Backhouse 1994; 1998; Hands 2001; Dow 2002; Mäki 2002; Блауг 2004; Boumans, Davis 2010].

¹² Эта методология погружает экономическую науку в *конструктивистскую парадигму*, которая уже активно развивается в психологии и социологии [Улановский 2010].

софии позднего Витгенштейна, недаром упоминается язык. Активное взаимодействие в экспериментальной ситуации между объектом исследования и исследователем должны протекать на языке объекта исследования, а не на языке исследователя. Конструктивистская постнеклассическая методология экономической науки основывается на витгенштейнианском положении о проистекании социально-экономических регулярностей из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определёнными социально сконструированными правилами, которые объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим некоторых историй. Если это положение принимается, то мы должны согласиться также и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей следует осваивать и анализировать эти истории. Организация экспериментальных ситуаций в соответствии с этой методологией обеспечит доступ исследователя к этим историям.

Несмотря на многочисленные разногласия, существующие между сторонниками мейнстрима и гетеродоксами, представители обеих сторон свято верят в одну и ту же догму: «Теория — это способ, которым мы воспринимаем (*perceive*) “факт”, и мы не можем воспринимать (*perceive*) “факты” без теории» [Фридмен¹³ 1994]¹⁴. Вполне понятно, что вера в эту догму обладает необыкновенно легитимирующей способностью для экономистов-теоретиков, у которых нет вкуса, да и желания изучать реальность. В соответствии с этой догмой, без них, то есть без теорий, которые призваны создавать и совершенствовать теоретики, никакое эмпирическое исследование вообще невозможно, откуда проистекает, как они верят, их решающая роль для развития науки.

Эта вера проявляет привычку к традиционному представлению о научном исследовании в социальных науках, где в паре «наблюдаемый — наблюдатель» (объект исследования и исследователь) только наблюдатель является пользователем языка и применяет его к объекту наблюдения. Сам же наблюдаемый объект видится как нечто, языком не обладающее, или, по крайней мере, наличие у него некоторого языка мыслится как не имеющее никакого значения для исследования. Язык исследователя, применяемый к исследуемому объекту, рассматривается как хороший, если он правильно отражает (изображает, описывает, «фотографирует») состояния объективного мира [Kitching, Pleasants 2002: 3]. По Витгенштейну [Wittgenstein 2009], а к нему можно присоединить Льва Выготского [Выготский 2004] и, возможно, Михаила Бахтина [Бахтин 2003], практически любые человеческие взаимодействия опосредуются языком. В дискурсах акторов всегда присутствует их восприятие своего окружения, в соответствии с которым они себя и ведут. Игнорирование этого языка и человеческих дискурсов на его основе (что и делают экономисты) лишает исследователей возможности узнать восприятия акторами различных ситуаций, связанных с изучаемым явлением, и тем самым делает недостижимым понимание и прогнозирование изучаемых явлений.

Экономисты-теоретики, в том числе и многие из тех, кто сейчас причисляет себя к институционалистам, видят как одно из весомых оправданий своей деятельности необходимость для эмпирического изучения действительности некоторых заранее (априори) разработанных моделей и теорий. Упомянувшийся выше израильско-американский экономист Ариэль Рубинштейн выделяется среди членов сообщества академических экономистов не только своим интересом к социальной роли его профессии, но также и отношением к этой поголовно разделяемой догме, озвученной Милтоном Фридманом. Рубинштейн пишет по этому поводу: «Неужели для того, чтобы отыскивать эмпирические взаимосвязи или тенденции, нам действительно так уж нужна экономическая теория? Не лучше ли было бы двигаться в противоположном направлении, наблюдая реальный мир, пользуясь эмпирическими и экспериментальными данными, чтобы отыскать неожиданные взаимосвязи? Лично я сомневаюсь, что для их отыскания нам

¹³ Ссылка сделана на источник 1994 г., когда конвенции по поводу написания фамилии *Friedman*, которая сейчас транслитерируется как Фридман, ещё не было. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Такая методология приводит к тому, что исследователь остаётся слеп ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему, и, таким образом, путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным.

нужны заранее разработанные теории» [Рубинштейн 2008: 71]. Для того чтобы начать эмпирическое исследование какого-либо явления, экономист должен вооружиться не какой-то экономической теорией, а определённым подходом к его изучению. В рамках такого подхода даются ответы на следующие вопросы: (1) что нужно исследовать, где нужно исследовать и что искать при исследовании (онтология), то есть как превратить объект исследования в предмет исследования; (2) как нужно исследовать (эпистемология), то есть какого типа методы использовать; (3) как оформить результаты исследования (риторика), то есть описывать ли выявленные законы и (или) причинно-следственные связи или предоставлять читателю интерпретацию дискурсов акторов с описанием обнаруженных смыслов, которые акторы вкладывают в свои действия, и правил их поведения в соответствии с этими смыслами. Тот или иной подход, явно или не явно, всегда связан с какими-то философскими позициями исследователя, например, с картезианством, позитивизмом, прагматизмом, герменевтикой, конструктивизмом и т. д.

Завершая данный раздел статьи, хотелось бы подчеркнуть, что в соответствии с постнеклассической методологией экономическая наука должна поставлять обществу знания о социально-экономических процессах, основывающиеся на их постоянном мониторинге; собираемая при этом информация в значительной степени является качественной, а не количественной. Сформулированные понятия и теории будут неизбежно верны только для изучаемого места и только для определённого отрезка времени. Это происходит оттого, что *источниками социально-политико-экономических закономерностей* (франц. *les régularités*) являются правила (франц. *les règles*; корень тот же, что и в *les régularités*), которым следуют акторы, а эти правила могут быть неодинаковы в разных национальных и других сообществах и способны достаточно быстро меняться (особенно периферийные). Социально-политико-экономические закономерности бывают ни детерминированными, ни вероятностными, а только — если можно так выразиться — сценарными, так как поведение акторов не полностью определяется правилами, и проявления воли акторов играют в этих процессах важную роль.

1.2. Дискурсивный подход к экономике

Под дискурсивным анализом в экономике мы будем понимать анализ нарративов, имеющих непосредственное отношение к экономическим процессам и явлениям. Ром Харре и его соавтор Йенс Брокмейер в статье, перевод которой был опубликован в журнале «Вопросы философии», называют такие подвиды нарратива, как правдивые или вымышленные истории, мифы, сказки, а также некоторые исторические, правовые, религиозные, философские и научные тексты. Я добавил бы сюда ещё и политические тексты. Авторы убедились, исследуя действительную практику использования нарративов, что они в большей мере являются предписывающими, чем описывающими: «Следовательно, с этой точки зрения, нарратив — это слово для обозначения специального набора инструкций и норм, предписывающих, что следует и чего не следует делать в жизни, и определяющих, как тот или иной индивидуальный случай может быть интегрирован в некий обобщённый и культурно установленный канон» [Брокмейер, Харре 2000: 29].

Почти все экономисты согласятся с утверждением о том, что задача экономической науки — искать причинно-следственные связи между производством продуктов и услуг, ценами на них, уровнем заработной платы, ставкой процента и прочими «вещами» и наступлением безработицы, инфляции, экономическим ростом или, наоборот, рецессией и другого типа событиями.

Таблица 1

Две онтологии

Онтологии	Где нужно исследовать?	Что нужно исследовать?	Что искать при исследовании?
Ньютоновская	В пространстве и во времени	Вещи и события	Причинно-следственные связи
Дискурсивная	В определённой совокупности людей	Речевые акты	Правила и сюжетные линии историй

Источник: [Harré, Gillet 1994: 29].

Причём «вещи» и «события» рассматриваются экономистами, находящимися в определённых «точках» во времени и в пространстве. Например, с помощью эконометрических моделей экономисты пытаются анализировать причинно-следственные связи между динамикой такого рода «вещей» и «явлений», имеющих место в разных регионах мира, отражая их с помощью эндогенных и экзогенных переменных. При этом мало кто задумывается, что эта Ньютоновская онтология (см. табл. 1) не очень подходит для анализа социально-экономической реальности. Ром Харре считает, что для социальных наук, в которые входит (или, по крайней мере, должна входить) экономическая наука, онтология требуется совершенно другая, её он назвал дискурсивной¹⁵.

Применяя ньютоновскую онтологию к социальной сфере, обществоведы рассматривают людей как некоторые неодушевлённые предметы, взаимодействующие друг с другом на подобии молекул в пространстве и во времени, и тем самым производят результирующие явления, которые можно понять, анализируя причинно-следственные связи, вытекающие из столкновения людей-молекул. В дискурсивной онтологии, если уж следовать этой физической аналогии, молекулами являются не сами люди, а производимые ими речевые акты¹⁶. Важно не то, когда и где эти речевые акты происходят, а в рамках какого сообщества (определённой совокупности людей) они осуществлялись. Поведение членов каждого сообщества может иметь свои регулярности, проистекающие из специфических правил, которым члены сообщества следуют. На обнаружение этих правил через изучение речевых актов, а тем самым и на выявление определяемых ими социально-экономических регулярностей, и должно быть направлено исследование. Это становится возможным потому, что правила эти, вместе с сопровождающими их убеждениями в их правомерности, выражаются именно в речевых актах. И правила, и убеждения, их обосновывающие, хранятся и воспроизводятся членами сообщества в виде историй, сюжетные линии которых исследователь может выявить вместе с правилами через анализ речевых актов.

Сейчас уже стало банальностью для экономистов высказывание, что институты имеют значение (*institutions matter*). Понятие «институт» фигурирует в текстах таких направлений экономической мысли, как новая институциональная экономическая теория, экспериментальная экономика и поведенческая экономика. Все эти направления недалеко ушли от ньютоновской онтологии, игнорируя центральный элемент и инструмент человеческих взаимодействий, которым является язык. Позаимствовав у Густава Шмоллера определение института как набора формальных и неформальных правил, а также устройств, которые обеспечивают их соблюдение [Футуботн, Рихтер 2005: 8], новая институциональная экономическая теория проинтерпретировала упомянутые правила и устройства как ограничения,

¹⁵ Далее, в этом разделе статьи я активно использую идеи Рома Харре, которые очень хорошо представлены в сборнике его статей, вышедшем под редакцией одного из его соавторов, Люка ван Лангенхомена, под названием «*People and Society. Rom Harré and Designing the Social Sciences*» («Люди и общества. Ром Харре и его замысел общественных наук») [Van Langenhove 2010].

¹⁶ О том, как вписывается теория речевых актов в социальный конструктивизм, см.: [Улановский 2004].

аналогичные тем, что присутствуют в оптимизационных и равновесных моделях. Эта теория апеллирует к метафоре «игра» («правила игры»), имея в виду, например, футбол, где речевые взаимодействия не предусматриваются¹⁷. Участники экспериментов (студенты, оплачиваемые за своё участие) в многочисленных сейчас лабораториях экспериментальной экономики взаимодействуют друг с другом молча. Ну а в так называемой поведенческой экономике игнорирование человеческой природы экономических акторов доводится до своего предела, где в качестве участников эксперимента допускается участие обезьян [Wilkinson 2008: 30–32].

Дискурсивный подход развивается в рамках социального конструктивизма. Совсем в духе Густава Шмоллера [Schmoller 1998], институт здесь понимается не как ограничение, а как направляющая сила человеческого поведения [Ефимов 2007: 61–62]. Формальные и неформальные правила вместе с обеспечивающими их соблюдение убеждениями рассматриваются как совокупность институциональных или социальных знаний, разделяемых определённым человеческим сообществом. Общность этих знаний в некотором сообществе и есть источник регулярностей, могущих наблюдаться по отношению к этому сообществу. Дискурсивный подход дополняет социальный конструктивизм герменевтикой. Поскольку язык является главным инструментом во многих видах человеческой деятельности, изучая использование этого инструмента, мы тем самым можем исследовать и сами эти виды деятельности. Харре считает, что «через язык имеется постоянная непрерывность между мыслью и действием» [Harré 1974: 250]. Экономическая наука никак не может отойти от модели экономического человека, напротив, она достаточно успешно навязывает её другим социальным наукам, породив явление, которое получило название «экономический империализм». Дискурсивный подход основывается на совершенно другой модели человека, которую Харре назвал антропоморфной: «В антропоморфной модели человек выступает не только как агент, но и как наблюдатель (*watcher*), комментатор и критик» [Harré, Secord 1972: 90–91]. Это означает, что определённое правило как элемент института «существует внутри определённой практики, и через эту практику, путём цитирования этого правила, взывания к нему в процессе его освоения, получая удовлетворение при виде, когда другие ему следуют, и, указывая другим, что они ему не следуют или следуют недостаточно точно. Всё это говорится другим и себе, и всё это люди слышат, будучи сказанным другими < ... >. И, таким образом, явление следования определённому правилу неотлично от описания, даваемого этому правилу» [Bloor 1997: 33–34].

В этом смысле институт может быть охарактеризован как «самоотсылочная практика, объект разговора, и именно разговора, представляющего нам реальность, к которой он и отсылает»¹⁸ [Bloor 1997: 34]. В этом состоит кардинальное отличие природной и социальной реальности. Описание физических или биологических процессов может быть более точным или менее точным в зависимости от доскональности проводимых наблюдений и экспериментов, и это связано с тем, что свойства этих процессов не зависят от того, что мы думаем относительно них. Напротив, «социальный объект» основывается на описаниях, которые акторы и участники этого объекта ему дают. Он не существует независимо от того, во что акторы и участники этого объекта верят и как они выражают это на словах. Таким образом, «социальный объект» не может быть охарактеризован точнее, чем это уже сделано в этих описаниях [Bloor 1997: 35]. Исследователю остается только позаимствовать эти описания у акторов и участников.

¹⁷ Если уж использовать слово «игра» в экономической науке в качестве метафоры, то имеет смысл при этом иметь в виду не спортивные игры типа футбола и не салонные игры типа карт или шахмат, а детские ролевые игры, значение которых в освоении норм и языка взрослых исследовал Лев Выготский [Выготский 1966]. Люк ван Лангенхомен, составитель и комментатор сборника статей Харре, так характеризует основное достижение Выготского: «Одной из наиболее строго выдерживаемых аксиом в социальных науках является утверждение о наличии радикального различия между психологическими и социальными явлениями. Первые происходят в самом человеке (в его разуме), а вторые вне его (в обществе). Благодаря гению Выготского стало ясно, что это различие на внутреннее и внешнее является слишком большим упрощением. Изучая человеческое развитие, Выготский показал, что познавательные способности возникают в процессе дискурсивного взаимодействия» [Van Langenhove 2010: 67].

¹⁸ «[A]n institution is a self-referring practice, the object of the talk, namely that which provides the reality to which it refers» (англ.).

Не боясь повториться, подчеркну ещё раз, что в социальных науках следует изучать не вещи и события, а дискурсы, состоящие из речевых актов. Поскольку социальные взаимодействия опосредуются языком, речевая деятельность (*conversations*) и дискурсы должны рассматриваться как первичная и имеющая первостепенное значение (*primary*) социальная реальность¹⁹, которую и нужно изучать. Вместо того чтобы искать причинно-следственные связи, обществоведам (включая экономистов) нужно пытаться выявлять правила и сюжетные линии историй, поддерживающих эти правила. Для этого «экспериментатор или наблюдатель должен войти в дискурс с людьми, чьё поведение он изучает, и попытаться освоить их когнитивный мир» [Harré, Gillett 1994 : 21]. Нам как исследователям «предстоит узнать, что рассматриваемая ситуация означает для человека, а не то, какова она есть с точки зрения обозревателя, если мы хотим понять, что этот человек делает» [Harré, Gillett 1994 : 21]. Для этого типа изучения не имеет значения, где и даже когда что-то было сказано, а важно то, кто это сказал. Существенной частью когнитивного мира являются знания: «Знание, имеющее первостепенное значение для институционального порядка < ... > представляет собой всё “то, что каждый знает” о социальном мире: это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное < ... >. Такое знание составляет мотивационную динамику институционализированного поведения. Оно определяет институционализированную сферу поведения и все попадающие в её рамки ситуации. Оно определяет и конструирует роли, которые следует играть в контексте рассматриваемых институтов» [Бергер, Лукман 1995: 109–110]. Такое знание и является институциональным. Люди, с которыми нужно вступить в дискурс исследователю, должны обладать институциональным знанием, связанным с изучаемым явлением. В этом смысле «совокупность людей» означает людей из соответствующего сообщества, имеющего общее институциональное знание. Например, для того, чтобы изучать финансовые рынки, нужно вступить в контакт с такими профессионалами, как трейдеры, а не со студентами, как это происходит в так называемой экспериментальной экономике. В то же время «совокупность людей» означает выборку людей из соответствующего сообщества. Отбор людей и определение размера выборки в рамках дискурсивного подхода осуществляется совсем не так, как в механистическом традиционном подходе. Исследователь вступает в контакт с теми людьми, которые готовы поделиться с ним своим институциональным знанием²⁰. Размер выборки (количество людей, с которыми исследователь был в контакте) определяется так называемым теоретическим насыщением, когда исследователь уже ничего не узнает нового в результате новых контактов с членами соответствующего сообщества. Поскольку истории, разделяемые и рассказываемые членами одного и того же сообщества, в принципе одни и те же, то теоретическое насыщение наступает достаточно быстро. Мой собственный опыт проведения исследований в конце 1990-х годов в сельской местности нескольких областей России подтверждает это [Yefimov 2003].

Что касается вопроса о том, как нужно исследовать, то дискурсивный подход требует применения не столько количественных, сколько качественных методов исследования²¹ (см.: [Poupart et al. 1997; Семёнова 1998; Denzin, Lincoln 2005; Paillé, Mucchielli 2005; Paillé 2006; Штейнберг et al. 2009]), среди которых центральное место занимают углубленные интервью [Белановский 2001; Kaufmann 2004; Квале 2009], обоснованная теория [Dey 1999; Страус, Корбин 2001; Charmaz 2006 ; Bryant, Charmaz 2007] и исследование действием²² [Greenwood, Levin 1998; Stringer 1999; Reason, Bradbury 2006 ; Craig 2009]. Применение большинства качественных методов исследования в значительной степени сводится к анализу текстов [Тичер, Мейер, Водак, Ветер 2009] и нарративов [Clandinin, Connelley 2000; Elliott 2005].

¹⁹ Один из разделов сборника статей Рома Харре так и называется: «*Conversations as the Primary Social Reality*» («Разговоры как имеющая первостепенное значение социальная реальность») [Van Langenhove 2010: 63–150].

²⁰ См. обсуждение этого вопроса: [Аболафия 2004: 439–443].

²¹ Краткий обзор качественных методов исследования см.: [Улановский 2009а].

²² Я предпочитаю такой русский вариант названия метода *action research* (англ.), или *recherche-action* (фр.). В Интернете есть и другие варианты перевода этого названия: активное исследование, исследование-действие, действенное исследование, экспериментальное исследование.

Ром Харре охарактеризовал дискурсивную онтологию, сравнивая её с ньютоновской, а я попытаюсь сделать то же самое применительно к *дискурсивной эпистемологии*. Эдвин Бёрт, исследователь творчества Ньютона, описывает метод, который Ньютон использовал в своих исследованиях, следующим образом:

- упрощение явлений экспериментами таким образом, чтобы их характеристики менялись количественно и эти изменения можно было чётко определить и измерить;
- выработка математических предложений (обычно с помощью специального исчисления), которые выражали бы математически найденные связи;
- проведение дополнительных экспериментов, (а) чтобы проверить применимость этих выводов (дедукций) для новых областей и свести эти выводы к наиболее общей форме; (b) в случае более сложных явлений обнаружить присутствие и определить значение дополнительных причин, которые также нашли бы количественное выражение; и наконец, (с) если природа таких дополнительных причин остается неясной, расширить используемый математический аппарат дабы трактовать их более эффективно [Burt 2003: 221–222].

Этот метод показал свою действенность в естественных науках, особенно в физике. Ньютоновский мир может полностью быть охарактеризован числами, количественно. Сейчас значительная часть экономистов считают, что и экономический мир может быть охарактеризован таким же образом. Почему это не так, следует из рассмотренного в этом разделе статьи вопроса об онтологии адекватной для социально-экономических явлений, которая должна быть дискурсивной. С этой поправкой описание метода Ньютона достаточно успешно преобразуется в схему, отражающую дискурсивную эпистемологию.

На **первом** этапе необходимо осуществить построение экспериментальной ситуации, в рамках которой исследователь вступает в непосредственный контакт с членами сообщества, связанного с изучаемым явлением или сферой. Исследователь должен рассматривать каждую ситуацию в её полноте, а не сводить, как Ньютон, изучаемые явления к их простейшим элементам. Если при применении дискурсивного подхода упрощения экспериментами и имеют место, то они связаны с отбором акторов, с которыми исследование будет проведено, а также с выбором обстановки для осуществления контактов исследователя с акторами. Актёры отбираются те, которые были бы готовы поделиться своими институциональными знаниями с исследователем, а обстановка экспериментальной ситуации должна способствовать максимальному проявлению этой готовности. Успех первого этапа в дискурсивном исследовании зависит в значительной степени от отношений доверия и сотрудничества, которые установятся между актором и исследователем [Аболафия 2004: 441]. Построение экспериментальной ситуации начинается с изучения уже готовых текстов, например, текстов законов и других письменных отражений существующих формальных и неформальных правил, а также политических и иных документов, содержащих идеи и убеждения, которые стоят за этими правилами.

На **втором** этапе экспериментальная ситуация начинает действовать в виде тех или иных форм контактов исследователей с акторами, которые непосредственно связаны с изучаемым явлением или сферой. Эти контакты материализуются в транскриптах дискурсов актёров. Анализ дискурсов нужно осуществлять не для верификации (подтверждения или опровержения) каких-либо априорных теоретических построений, а для создания так называемых насыщенных описаний [Гирц 2004]. Они содержат не только описание действий, порождающих изучаемое явление, но и смыслы, которые актёры вкладывают в эти свои действия.

Насыщенное описание осуществляется не на языке используемых документов, не на языке акторов, не на языке каких-то априорных или созданных для других контекстов теорий, а на языке дискурсивного подхода, значительно дополненного концепциями и (или) понятиями, сконструированными исследователем апостериори, на базе изучения текстов, при исследовании данного явления²³. Часть этих концепций и понятий приговорена остаться контекстными, а часть способна стать кандидатами для ввода в более общий глоссарий экономической дисциплины. Непосредственный вербальный контакт, в результате которого исследователь получает доступ к определённой истории, и есть для экономической науки, как и для других социальных наук, то, что в естественных науках называется научным экспериментом²⁴. Работая с транскриптом бесед-интервью, исследователь формирует концепции и понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление и, образовав связную систему, дают исследователю понимание этого явления. Будучи достаточно продвинутой, разработанная связная система концепций и понятий может образовать теорию, но, конечно, теорию контекстную.

Далее, на втором же этапе исследования, эксперимент может быть продолжен путём обращения в прошлое. Анализ истории изучаемой части действительности проводится на базе исторических документов, представляющих собой законодательные акты и политические дискурсы. Делается это не только и не столько для проверки (верификации) теории, но для её уточнения и расширения, которое должно содержать понимание исторических истоков изучаемого явления. И на первом, и на втором этапах, конечно, используется количественная информация, но она служит скорее для идентификации проблемы, чем для её решения, осуществляемого на базе прежде всего информации качественного типа. Математическая статистика и эконометрика для анализа временных рядов в таком исследовании либо вообще не используется, либо играет подчинённую роль. По моему мнению, именно на этом пути экономическая наука получает шанс действительно стать научной, выйти из вымышленных миров и начать служить людям в их понимании социально-экономической реальности также эффективно, как естественные науки по отношению к природе.

На **третьем** этапе экспериментальная работа продолжается применительно к какой-либо иной совокупности людей (например, к людям, находящимся в другом регионе страны) для того, чтобы проверить применимость полученного понимания, для новых областей и сведения этого понимания к наиболее общей форме.

Как можно видеть, описанная трехэтапная схема (эпистемология) дискурсивного исследования если и не соответствует букве ньютоновского метода, то вполне отвечает его духу объективности исследования. Как уже указывалось выше, социолог науки Брюно Латур называет в качестве решающего признака действительно объективного научного исследования способность объекта исследования *возражать* (to object) тому, что о нём сказано. Лабораторный эксперимент для него — это создание таких условий, когда «объекты могут предстать в своём собственном праве перед утверждениями учёных» [Латур 2006а: 352]. Мишель Вевёрка предлагает два способа организации таких условий в социальных исследованиях [Wieviorka 2008: 103–110]. Первый способ — это исследование действием (*recherche-action*), а второй — социологическое вмешательство (*intervention sociologique*).

²³ «Обоснованная теория» (*Grounded Theory*) есть не что иное, как методика построения таких концепций и (или) понятий, а затем и теорий на базе анализа текстов. На мой взгляд, перевод «обоснованная теория» не очень удачен, и я предложил бы заменить его на «заземлённое теоретизирование».

²⁴ «Хорошая история — это функциональный эквивалент лаборатории. Здесь осуществляют тесты, опыты и имитации» [Latour 2006: 217].

Первый способ широко используется, в том числе и автором этих строк²⁵, и по нему имеется обширная литература. По существу, это натурный эксперимент, но производимый не только для познавательных целей, а предполагающий преобразование исследуемого объекта совместными усилиями исследователей и акторов. Объект сопротивляется изменяющим его воздействиям, что создаёт прекрасные условия для его понимания, показывая те его стороны, которые без этого изменяющего воздействия остаются скрытыми.

Второй способ в основном использовался Аленом Туреном (Alain Touraine) и его учениками, среди которых и М. Вевёрка²⁶. Он состоит в расширении традиционных углубленных интервью путём «возврата» результатов исследования, полученных на базе анализа транскриптов интервью, интервьюируемым, а, возможно, и другим акторам, и совместное обсуждение этих результатов. Тем самым акторы приглашаются участвовать в исследовательском процессе. Вовлечение интервьюируемого в исследовательский процесс может осуществляться и непосредственно во время интервью; в этом случае взаимодействие актора и исследователя принимает активный характер. Беседы-интервью, которые проводил лично я, часто были действительно активными и принимали форму спора между мной и актором [Yefimov 2003]. Именно наличие таких «возражений» (сопротивления) позволяет нам претендовать на то, что мы занимаемся наукой. Можно полностью согласиться с Вевёркой, который, выступая на открытии III Всероссийского социологического конгресса в 2008 г., сказал: «Проверка результатов нашей работы друг перед другом, среди наших коллег (*peer review*), является, несомненно, решающим обстоятельством нашей деятельности, однако нам нужно задумываться о том, как можно проверять наши результаты иными способами, которые я обозначил, для того, чтобы увидеть, как наше знание работает. И именно таким образом, на мой взгляд, можно связать социологию и общество»²⁷. Это утверждение верно и для других общественных наук, в том числе и для экономики. Такой связи между экономической наукой и обществом нет, и в этой статье я попытаюсь проследить, почему это произошло — с момента её институционализации и до наших дней, с локальными во времени и пространстве исключениями в конце XIX и начале XX вв.

В данном разделе статьи изложение дискурсивного подхода к экономике как объекту исследования имеет явно нормативный характер. В следующем разделе я укажу на работы нескольких экономистов, которые применяли этот подход в своих исследованиях, однако такие работы являются в настоящее время большой редкостью. Какой должна быть методология — нормативной, предписывающей исследовательские практики, или описывающей, позитивной, осмысливающей реальные практики академических экономистов? О. И. Ананьин и М. И. Одинцова, констатируя существующую тенденцию экономической методологии как субдисциплины экономической теории к тому, чтобы стать скорее позитивной, чем нормативной, оценивают это явление, по-видимому, как положительное [Ананьин, Одинцова 2000]. Применительно к естественным наукам конструктивистская философия науки, по существу сливаясь с социологией и историей естествознания, пошла по этому пути анализа научных практик, *но не всех*, а только успешных (с точки зрения их влияния на развитие техники и медицины). Методологи науки конструктивистского типа не очень интересуются *физическими теориями* Декарта и Гоббса, которые не имели и не могли иметь такого влияния. Применительно к экономической науке также имеет смысл для развития методологии обращаться к опыту её положительного влияния на жизнь обществ, однако примеры такого влияния крайне редки (мы остановимся на них в следующих разделах статьи), а вот примеры отрицательного влияния наоборот очень многочисленны. Дискурсивный подход к экономике является, с одной стороны, интерпретацией конструктивистского представления о

²⁵ Создание фермерских хозяйств в Переславском районе Ярославской области в 1988–1990 годах [Yefimov 2003: 162–168] и приватизация совхозов в Целиноградской (Акмолинской) области Казахстана в 1995–1997 годах [Yefimov 1997].

²⁶ Этот способ был применён в исследовании постсоветской России, в 1991–1996 годах, группой во главе с Алексисом Береловичем и Мишелем Вевёркой [Berelowitch, Wieviorka 1997]; см. также рецензию на эту книгу: [Поправко 1997].

²⁷ См.: ПОЛИТ.РУ (URL: <http://www.polit.ru/science/2008/10/22/wieviorka.html>).

научном исследовании, развитом на базе изучения реальных успешных практик в естествознании, а с другой — восстановлением на современной основе успешных, с точки зрения их социальных результатов, практик влиятельных в прошлом направлений экономической науки.

Дискурсивная методология для экономической науки, развиваемая в этой статье, не имеет почти ничего общего с «риторической» методологией [Отмахов 2000; Расков 2006] Дейдры (в прошлом Дональда) Макклоски и Арьё Кламера (Arjo Klamer). Оба эти автора проводят великолепный анализ дискурсов влиятельных членов сообщества экономистов, показывая их удалённость от интересов понимания экономической действительности, но в то же время считая такую ситуацию вполне нормальной. Можно сказать, что они заменяют риторическим подходом необходимость онтологического и эпистемологического выбора. Не случайно, что среди «десяти заповедей» модернизма [McCloskey 1985: 7–8] в экономической и других социальных науках, с которыми Макклоски призывает бороться, она не называет такие важнейшие постулаты нововременного представления о научном исследовании, как субъектно-объектный дуализм и приверженность к причинно-следственным схемам объяснения явлений. И происходит это потому, что для неё эти постулаты, которым следуют все экономисты-ортодоксы и почти все экономисты-гетеродоксы, вполне приемлемы. Если Макклоски и Кламер обращают внимание исключительно на дискурсы самих экономистов, то методология, которую я обсуждаю в этой статье, нацелена прежде всего на анализ дискурсов акторов. Макклоски и Кламер вносят свой вклад в понимание реальностей сообщества экономистов, но их методология не содействует усилению способностей экономистов в понимании экономической действительности. Риторика как искусство убеждения, безусловно, должна играть очень важную роль в *оформлении результатов исследования*, но она не поможет экономисту *понять* изучаемое явление, если он (она), вместо того чтобы исследовать институциональное знание акторов, которое определяет их поведение, причём исследовать его, вступая с этими акторами в непосредственный контакт, ограничится дедуктивными построениями без такого контакта и (или) анализом статистических данных.

Возражая против нововременного понятия Истины (с большой буквы), Макклоски заменяет его понятием «убедительность» (*persuasiveness*) [McCloskey 1985: 47; 1994], не уточняя при этом требования к тому сообществу, которое нужно убедить. Американский экономист, предвидевший наступление экономического кризиса, Нуриэль Рубини (Nouriel Roubini), ещё в 2005 г. предупреждал о том, что американский спекулятивный жилищный бум может породить экономический кризис. Когда в 2006 г. он выступил со своим прогнозом перед экономистами МВФ, его сочли сумасшедшим. А через год его предсказания сбылись, даже в деталях. Почему его аргументы показались экономистам неубедительными? Да потому, что они не владели информацией о правилах, которым следуют акторы на рынке недвижимости, инвестиционные банки и фонды, хедж-фонды и такие финансовые институты, как Fannie Mae и Freddie Mac. Предсказать кризис было на самом деле не так сложно тем, кто владел информацией об этих правилах. Узнать эти правила можно, изучая детали, к чему сообщество экономистов совершенно не приучено.

Важно отметить также, что восприимчивость читателя и (или) слушателя к различным риторическим приёмам может существенно зависеть от его онтологических и эпистемологических позиций. Члены современного сообщества экономистов вряд ли легко воспримут оформление понимания изучаемого явления в виде «насыщенного описания» а-ля Клиффорд Гирц. Мои коллеги, экономисты и неэкономисты в Женевском университете, которым я передавал для чтения главы своей будущей книги [Yefimov 2003], непривыкшие к дискурсивному стилю исследования, воспринимали мои тексты с большим трудом. Прежде всего, и это относится в первую очередь к экономистам, они привыкли читать тексты достаточно быстро, находя в них уже известные им формулы, формулировки, ссылки на известные работы и т. д. Освоение моих текстов требовало от них значительно большего времени, чем они привыкли посвящать чтению рукописей коллег. Особенно их удивляли подробности описаний выявленных правил

поведения в области производства, снабжения и сбыта, комментируемые отрывками из интервью. Мои коллеги выказали свою неспособность читать эти отрывки и видеть в них информацию для понимания изучаемого явления. Часто эти отрывки содержали описания восприятия акторами действительности, а также смыслы, которые они вкладывали в свои поступки, но читающие как бы не замечали ничего этого. Вот типичные вопросы и утверждения, которые я слышал: «Зачем все эти описания? Зачем все эти детали?»; «Зачем все эти воспроизведения отрывков интервью в аналитических текстах?»; «Мысли людей, которые ты выявил, вступая с ними в непосредственный контакт, ложны и не имеют никакой ценности для анализа реальности»; «Интервьюируя людей, ты занимаешься журналистикой»; «Необходимо видеть, как люди себя ведут, а не слушать, что они говорят».

В следующем разделе статьи мы увидим, как те экономисты, которым удалось понять и предвидеть наступающий экономический кризис только благодаря использованию дискурсивного подхода в исследованиях, оформляли результаты исследований в значительной степени традиционным способом, апеллируя к причинно-следственной схеме объяснения и (или) количественной, а не качественной информации, так как понимали или чувствовали, что иначе их мысли не будут восприняты в сообществе экономистов. Культуре дискурсивного подхода нужно учиться, и будущая институциональная реформа экономической науки должна будет содержать в качестве своего важного элемента систему обучения экономистов этой культуре.

1.3. Дискурсивный анализ в экономике сегодня

Экономисты (речь о профессии) не смогли предвидеть наступление текущего кризиса из-за своего традиционного представления о научном исследовании, приверженности неадекватной ньютоновской онтологии и обрекающей на неуспех эпистемологии попперовского типа. Некоторым экономистам всё же удалось предвидеть кризис, но не благодаря своей принадлежности к сообществу академических экономистов, а скорее вопреки ей. Проследим, как это произошло у одного из самых известных и уважаемых экономистов, профессора Йельского университета Роберта Шиллера. Его диссертация «*Rational Expectations and the Term Structure of Interest Rates*» («Рациональные ожидания и временная структура процентных ставок»), которую он защитил в 1972 г., была подготовлена полностью в соответствии с канонами, действующими внутри сообщества академических экономистов. Хотя, как признается сам Шиллер, он «до конца не верил в то, что люди могут быть столь расчётливыми в своих ожиданиях», тем не менее, он пишет свою диссертацию: «Просто в то время над этим стоило поработать» [Самуэльсон, Барнетт 2009: 285]. По-видимому, «стоило», потому что это позволило защититься и получить доступ в профессию. Ему «импонировала наука, в основе которой лежали тщательные наблюдения», и в то же время он увидел, что «существует великое множество примеров, когда эконометрический анализ может привести к ошибочным результатам» [Самуэльсон, Барнетт 2009: 289]. Эти устремления и сомнения, любопытство относительно экономической реальности вместе с определённым событием в его личной жизни приводят учёного в конечном счёте к дискурсивной методологии. В 1974 г. он женится на Джинни, которая готовила себя к профессии психолога, и днём он был «профессором экономики, а вечера проводил в кругу молодых психологов», и некоторые их идеи произвели на него «большое впечатление». Таким образом, через свою супругу и её коллег Шиллер прикоснулся к психологии с её вниманием к изучению реального поведения людей на основе непосредственных контактов с ними. Вот как характеризует сам Роберт влияние жены на его профессиональную деятельность: «Все эти годы мы с Джинни много говорили о её и моей работе. Она всегда влияла и до сих пор влияет на меня» [Самуэльсон, Барнетт 2009: 293]. Словом, семейное общение позволило Шиллеру выйти за пределы традиционного экономического дискурса.

Хотя Шиллер ещё долгое время продолжает работать в рамках традиционной методологии [Shiller 1989], в конце 1980-х годов он начинает проводить опросы акторов, в частности, в 1987 г., во время

кризиса на рынке ценных бумаг. Шиллер свидетельствует по этому поводу: «Возможно, в этом было и влияние Джинни. Она поддержала меня, несмотря на то что данное направление исследований практически не имело смысла с точки зрения карьеры, но я (или я должен был бы сказать мы) на самом деле верил в это» [Самуэльсон, Барнетт 2009: 296]. Он объясняет этот свой шаг следующим образом: «Мне кажется, что экономисты зачастую живут в каком-то вакууме. Обычно существуют очень простые объяснения того, почему люди совершают те или иные действия, а экономисты это игнорировали < ... >. Мне кажется, экономисты в своих оптимизационных моделях, как правило, приписывают людям те или иные мысли, которых у них на самом деле и не было никогда. Поэтому, на мой взгляд, необходимо узнать, что люди говорят о своих соображениях (выделено мною. — В. Е.). Это интересная тема для исследования. Я не рассматривал это исследование с точки зрения карьеры. Но когда я начал заниматься подобного рода исследованиями, у меня уже была постоянная должность. Поэтому я подумал: “А для чего ещё нужна постоянная работа, как не для этого! Мне не надо делать то, что приходится делать другим». < ... > И когда случился в 1987 г. крах фондового рынка, я подумал, что, возможно, это шанс, выпадающий раз в жизни, чтобы исследовать вопрос спекулятивных пузырей» [Самуэльсон, Барнетт 2009: 296–297]. Это объяснение чрезвычайно ценно для понимания функционирования института экономической науки. Членам сообщества академических экономистов и после защиты корректной, с точки зрения норм этого института, диссертации приходится продолжать работать в рамках этих норм, даже если они сами понимают, что это делает их исследования непродуктивными. Только не очень часто встречающееся среди экономистов любопытство²⁸ к экономической реальности, профессиональная смелость и особые обстоятельства личной жизни вывели Роберта Шиллера на использование дискурсивной методологии, чего в абсолютном большинстве случаев не происходит.

Результаты своих исследований спекулятивных пузырей Шиллер отражает в книге «*Irrational Exuberance*» («Иррациональное изобилие»). В её первом издании (2000 г.) спекулятивные пузыри как явление рассматриваются применительно к фондовому рынку, а во втором дополненном издании [Shiller 2005] — и применительно к рынку недвижимости. Хотя автор и не очень открывает свою исследовательскую кухню, создаётся впечатление, что основным способом контактов с акторами было их анкетирование, а не интервью²⁹. В книге явно ощущается противоречие между тем, как автор пришёл к результатам своих исследований, основываясь главным образом на дискурсивной онтологии и дискурсивной эпистемологии, и риторическим приёмом описания этих результатов как совокупности причин. Шиллер выделяет три группы факторов (причин) возникновения спекулятивных пузырей: структурные, культурные и психологические. Описание этих факторов показывает, что речь на самом деле идёт о разного типа правилах и их обоснованиях, то есть об определённых частях разделяемого акторами институционального знания, которое отражается в циркулирующих в сообществах акторов историях. У другого труда, вышедшего уже после того, как кризис, наступление которого прогнозировалось в книге «*Irrational Exuberance*», начался, был подзаголовок: «*How Today's Global Financial Crisis Happened*,

²⁸ «Любопытство» — именно так я бы назвал то качество учёных-исследователей, которое в прошлом более патетически называли «стремлением к истине». Макклоски правильно констатирует отсутствие этого качества как важнейшего элемента в системе ценностей академических экономистов [McCloskey 1985: 46–47], но оно, наряду с моральным стремлением быть социально полезными, двигало теми, кто создал современное естествознание. Выдающемуся физику-экспериментатору Льву Андреевичу Арцимовичу (1909–1973) принадлежат следующие слова: «Наука — лучший способ удовлетворения личного любопытства за государственный счёт» (URL: <http://aphorism-list.com/tema.php?page=nauka&tktema=nauka>). В 1950 г. Арцимович возглавил экспериментальные исследования по управляемому термоядерному синтезу; в 1952 г. открыл нейтронное излучение высокотемпературной плазмы; руководил созданием термоядерных установок «Токамак». На установке «Токамак-4» в 1968 г., в лабораторных условиях, были зарегистрированы первые термоядерные нейтроны. В 1953 г. был избран академиком АН СССР, в 1957 г. — членом президиума АН СССР; с 1966 г. — член Американской академии наук и искусств.

²⁹ Анкетирование тогда может принести хорошие исследовательские результаты, когда вопросники составляются не априори, а на базе достаточно глубоких предварительных исследований, например, на основе интервью. Можно предположить, что Шиллер поступал именно так.

and What to Do about It» («Как произошел сегодняшний глобальный финансовый кризис и что с ним делать») [Shiller 2008]. И здесь Роберт Шиллер уже более последователен, говоря, что среди многочисленных факторов самым важным является массовое заражение акторов бумовским мышлением, тесно связанным с историями, обосновывающими веру в то, что бум будет продолжаться [Shiller 2008: 41].

В книге 2008 г. Шиллер ещё больше, чем в «Irrational Exuberance», проявляет себя как экономист, разделяющий дискурсивную методологию. Вот как он реагирует на выступление Алана Гринспена, опубликованное в марте 2008 г. в «Financial Times»: «Гринспен, в конечном счёте, признаёт очевидную реальность пузырей, но он, кажется, никак не может принять, что мышлением людей в значительной мере движет то, что является по своей природе социальным. Он полагает, будто математические эконометрические модели индивидуального поведения являются единственными инструментами, с помощью которых мы можем понять мир, и будто их возможности ограничены только величиной и природой данных, а также нашей способностью иметь дело со сложностью. По-видимому, он не питает особого уважения к исследовательским подходам в таких областях, как психология и социология» [Shiller 2008: 42–43]. Шиллер явно призывает экономистов не следовать примеру Гринспена и приглашает использовать психологию и социологию, причем в их дискурсивном варианте: «Кажется, в мышлении многих экономистов и экономических комментаторов отсутствует понимание того, что распространение идей неизбежно влияет на человеческие дела». Он считает, что спекулятивные рынки — особенно хорошие места для наблюдения за распространением идей внутри коллективного мышления [Shiller 2008: 43].

Другим экономистом, предвидевшим лопание пузыря на американском рынке недвижимости, был Дин Бейкер. Может быть, он даже первым сделал этот прогноз. В заключении к своей статье с описанием этого прогноза он пишет следующее: «Основным фактором, движущим продажи домов, является ожидание того, что цены на дома будут расти в будущем. Хотя этот процесс может поддерживать рост цен в течение некоторого времени, но, в конце концов, этому неизбежно придёт конец» [Baker 2002: 18]. До того как написать эту статью, Бейкер получил богатый опыт анализа дискурсов, сопровождающих разрушение в США системы социального обеспечения [Baker, Weisbrot 1999]. Однако в его статье 2002 г. мы практически не находим никакого дискурсивного анализа, её риторика связана скорее с использованием количественных, а не качественных данных. Объяснение этому Дин дал мне во время нашего телефонного разговора, состоявшегося некоторое время спустя после нашей с ним встречи в Париже³⁰. Он сказал, что пришёл к своим заключениям относительно пузыря на рынке недвижимости на основе дискурсивного анализа, однако представил эти выводы в своей статье в соответствии с нормами, принятыми в сообществе экономистов. Он заявил, что было бы невозможно понять механизм этого пузыря только на основе количественной информации. Бейкер описал этот механизм в своей книге [Baker 2008], которая вышла уже после того, как пузырь лопнул, и была рассчитана не только на профессиональных экономистов, но на более широкий круг читателей. По существу, Дин Бейкер и Роберт Шиллер ведут себя одинаково: в своих исследованиях они основываются на дискурсивной онтологии и эпистемологии, но настойчиво тяготеют к недискурсивной риторике, как если бы их результаты были получены в рамках традиционной для экономистов методологии, пришедшей к нам из Нового времени.

Роберт Шиллер и его не менее знаменитый соавтор Джордж Акерлоф продолжают развивать идею, уже выраженную ранее в вышеупомянутых работах о решающем влиянии циркуляции историй на экономическую реальность в книге «*Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy And Why It Matters for Global Capitalism*», недавно переведённой на русский язык «*Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма*» [Акерлоф, Шиллер 2010]. Этой идее специально в книге посвящена глава 5, начинающаяся

³⁰ После встречи с Дином Бейкером я купил и прочитал все его книги.

с краткого введения в дискурсивную психологию³¹: «Человек склонен мыслить нарративами < ... > [И]стории и их пересказ — основа процесса познания < ... > [Б]еседы между людьми обычно проходят в форме взаимного обмена историями < ... >. Беседа не только позволяет передавать информацию в легко воспринимаемой форме, но и помогает закрепить факты, включённые в историю. Мы склонны забывать истории, которые не рассказываем < ... >. Важнейшими создателями историй, особенно на экономическую тему, служат политики» [Акерлоф, Шиллер 2010: 75–77]. В разделе под названием «Роль историй в национальных экономиках» авторы как бы оправдываются, что прибегают к дискурсивному подходу: «Когда экономисты начинают строить свой анализ на историях, это часто воспринимается как непрофессионализм. Считается, что следует полагаться только на факты, цифры и теорию о том, что все стремятся оптимизировать экономические переменные < ... >. Но как быть, если истории сами способны двигать рынки? < ... > Что если они сами по себе — часть экономики? [Здесь и далее выделено мною. — В. Е.] В таком случае следует признать, что в своём пренебрежении историями экономисты зашли слишком далеко. *Ведь истории не объясняют факты; они сами становятся фактами*» [Акерлоф, Шиллер 2010: 78–79]. Это высказывание отражает суть абсолютной необходимости применения дискурсивного подхода в экономике.

Как и книга Шиллера «Irrational Exuberance», совместный труд Акерлофа и Шиллера содержит много методологической путаницы. Начнём с того, что в предисловии к книге авторы заявляют, что опираются на недавно возникшую поведенческую экономическую теорию [Акерлоф, Шиллер 2010: 20]. Я думаю, те, кто знаком с работами Даниэля Канемана и Амоса Тверски [Kahneman, Tversky 2000], вряд ли увидят в книге Акерлофа и Шиллера что-то общее с поведенческой экономической теорией, кроме, может быть, списка проявлений иррационального начала: доверие, справедливость, злоупотребления и недобросовестность, денежная иллюзия. В поведенческой экономике при изучении этих проявлений используют методологию традиционной экспериментальной психологии [Солсо, Маклин 2006], в противовес которой и возникла дискурсивная психология. Эксперименты в поведенческой экономике строятся на основе понятий неоклассической экономической теории и в значительной степени направлены на проверку и совершенствование её постулатов и моделей. Хотя Акерлоф и Шиллер в своей книге иногда и ссылаются на эти эксперименты, но обсуждение проявлений иррационального начала основывается у них скорее на дискурсивной методологии с её вниманием к правилам, а не функциям предпочтения, причём правилам, которые фиксируются нарративно. Такое проявление иррационального начала как истории (имеется ввиду их циркуляция), которое уж никак не изучаются в поведенческой экономике, присутствует у Акерлофа и Шиллера в списке проявлений иррационального начала наряду с четырьмя другими (см. выше) его разновидностями³², но, как правильно заметил Дмитрий Кралечкин, написавший рецензию на эту книгу, элемент «истории» на самом деле включает в себя остальные четыре элемента иррационального начала³³.

Подзаголовок «Как человеческая психология управляет экономикой...» ориентирует читателя книги Акерлофа и Шиллера на психологию, но, как видно из ранее изложенного в этом разделе, особенность дискурсивного подхода состоит, в частности, в том, что явления, которые обычно классифицируются

³¹ По дискурсивной психологии имеется обширная литература, в том числе работы йельских исследователей [Schank, Abelson 1977; 1995], на которые ссылаются в этой главе Акерлоф и Шиллер. Для ознакомления с дискурсивной психологией я бы рекомендовал такие книги, как [Edwards, Potter 1992; Harré, Stearns 1995; Potter 1996; Edwards 1997]. Дискурсивно-конструктивистская парадигма в психологии обсуждается в ряде работ А. М. Улановского, в том числе в его статье: [Улановский 2006].

³² Влиянию циркуляции историй как одной из форм проявления иррационального начала (*animal spirits*) специально посвящена глава 5 книги Акерлофа и Шиллера.

³³ «Можно представить, что именно некоторые исторически или эволюционно закрепившиеся “повествования” обуславливают нашу склонность видеть в деньгах не относительные величины, а “абсолютные” (то есть в сфере денег мы все — номиналисты) или, положим, превозносить справедливость в ущерб экономической выгоде»; см. рецензию Д. Кралечкина: URL: <http://libertyclub.ru/?p=163>

как психологические, рассматриваются как порождённые социально. Роберт Шиллер очень хорошо понял это. Вслед за книгой Акерлофа и Шиллера появляется другая книга — «*Identity Economics. How our Identities Shape our Work, Wages, and Well-Being*» («Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны»), также переведённая на русский язык [Акерлоф, Крэнтон 2011]. Подзаголовок этой книги приглашает читателя обратиться непосредственно к социологии. Интересно отметить, что так же, как Шиллер обратил внимание на психологию под влиянием своей супруги психолога, Рэйчел Крэнтон, которая и инициировала сотрудничество с Акерлофом, приведшее к публикации этой книги, пришла к социологии под влиянием своего мужа социолога, занимавшегося к тому же проблемой идентичности. Хотя в книге Акерлофа и Крэнтон, как и в книге Акерлофа и Шиллера, по-прежнему можно найти заклинания по поводу поведенческой экономики, тем не менее, уже в самом начале авторы, по существу, от неё отмежевываются: «Великие экономисты < ... > ввели в оборот понятие справедливости. Они считают, что людей заботит возможность справедливого обращения с другими и справедливого обращения с ними со стороны других. Функция полезности, таким образом, должна объяснять такой вид стремления людей. Справедливость, воспринимаемая таким образом, может объяснить многие результаты экспериментов, в которых испытуемые (обычно студенты в университетской лаборатории) участвуют в сценариях, имитирующих экономические операции. Вместо того чтобы максимизировать своё собственное денежное вознаграждение, эти испытуемые часто выбирают результаты, которые выглядят “справедливо”. Однако в реальном мире то, как люди воспринимают справедливость, зависит от социального контекста. Зачастую то, что в одних местах воспринимается как справедливое отношение, в других местах может восприниматься как несправедливость и даже жестокость» [Акерлоф, Крэнтон 2011: 12–13].

Особую ценность книге Акерлофа и Крэнтон придаёт наличие в ней методологической главы. Авторы явно не удовлетворены тем, что «экономисты достигли исключительного согласия в отношении того, как проводить исследование < ... >. Мы сначала выбираем модель или теорию. Затем мы тестируем модель, сопоставляя её с наблюдениями, и отвергаем её, если она не соответствует наблюдениям» [Акерлоф, Крэнтон 2011: 146]. Они не согласны с этой «стандартной экономической методологией, с её сосредоточенностью на статистическом анализе популяций», с точки зрения которой «интенсивное изучение одной единственной молекулы было бы “почти бесполезным” исследованием < ... >. В случае с ДНК оказалось, что справедливо совершенно противоположное» [Акерлоф, Крэнтон 2011: 149]. Авторы книги предлагают экономистам следовать в своих исследованиях этнографам, изучающим социальные генетические коды: «На основании множества мельчайших подробностей, которые они записывают, и благодаря вниманию, которое они уделяют подтекстам того, что произносят люди, учёные конструируют последовательную картину поведения людей. Действительно самые лучшие этнографические работы не просто записывают то, что говорят люди; они декодируют то, что те говорят и делают» [Акерлоф, Крэнтон 2011: 149]. Совсем в соответствии с харровским сравнением двух онтологий (см. табл. 1), Акерлоф и Крэнтон признают, что «исследования, которые успешно определяют причинную связь, разумеется, полезны, однако они могут лишь намекнуть на то, что мы действительно желаем знать < ... > [Р]аботы, которые мы находим особенно полезными, были описательными работами, а не статистическими проверками» [Акерлоф, Крэнтон 2011: 150–151]. Наконец, эти авторы уверены, что нормы и идеалы можно легко наблюдать: «Многие люди охотно описывают, как, по их мнению, они должны себя вести и как должны вести себя другие. Такого рода “признания” случаются при неформальном разговоре. Внешнему наблюдателю (например, антропологу), присоединившемуся к беседе, следует лишь послушать рассказы и разговоры других людей, чтобы понять их нормы» [Акерлоф, Крэнтон 2011: 15].

Акерлоф, Крэнтон и Шиллер называют то, что они описали в своих книгах, теориями. Это соответствует принятому взгляду на науку современного сообщества экономистов. Экономическая наука и

экономическая теория (теории) рассматриваются как синонимы. Недаром английское слово *Economics*, запущенное Альфредом Маршаллом по аналогии со словами *Physics* и *Mathematics*, переводится сейчас на русский язык как «экономическая теория». При этом возникают некоторые неувязки. Так, если словосочетание *Behavioural Economics* и может иногда, следуя контексту, быть переведено как «поведенческая экономическая теория», хотя многие её результаты являются экспериментальными, а не теоретическими, то уж совсем нелепо звучал бы перевод словосочетания *Experimental Economics* как «экспериментальная экономическая теория». В первом разделе данной статьи отмечено, что многие современные области естествознания не гонятся за созданием теорий, а стремятся просто понять изучаемый неживой или живой объект, с тем чтобы люди имели возможность на благо использовать его свойства, создавая новые технологии или лекарства и методы лечения. Те немногие экономисты, кто применяет дискурсивный подход в своих исследованиях, идут, как правило, именно по этому пути, пытаясь понять функционирование и развитие изучаемого социально-экономического объекта. Далее я очень кратко охарактеризую известные мне современные работы такого рода.

Профессор экономики Йельского университета Трюмэн Бьюли, возможно, под влиянием своего коллеги по факультету Роберта Шиллера, провёл в 1990-е годы исследование, следуя дискурсивной методологии, и опубликовал книгу под названием «*Why Wages Don't Fall during a Recession*» («Почему заработная плата не падает во время рецессии») [Bewley 1999], где представил его результаты. Листая книгу, видишь её необычный для экономической монографии характер: значительная часть текста представляет собой цитаты из интервью. Бьюли провел более 336 слабо структурированных интервью, которые, наверное, правильнее было бы назвать беседами, с менеджерами, профсоюзными лидерами, профессиональными рекрутерами и консультантами безработных. Как отмечается в одной из опубликованных рецензий на книгу³⁴, она «описывает, что работодатели думают относительно найма, увольнения, оплаты труда и производительности рабочих, рассказывает захватывающую историю о том, как эти идеи (и связанные с ними поведения) влияют на то, что происходит на рынке труда. Модель определения оплаты труда, которую развивает Бьюли, противоречит многим влиятельным теориям жёсткости заработной платы (*wage rigidity*), особенно теориям неоклассического толка. Но может быть, самое важное заключается в том, что эта книга поднимает некоторые базовые вопросы относительно экономической теории и методологии». Очень краткий методологический раздел, всего три с половиной страницы во введении к книге, представляет большой интерес, особенно если иметь в виду то, что 1970-е и 1980-е годы Бьюли посвятил математической экономике. Вот два отрывка из этого раздела: «Было бы слишком самоуверенным игнорировать свидетельства людей, которые принимают экономические решения, а также наблюдают за экономической жизнью и участвуют в ней. Поступить так означало бы сделать экономическую теорию (*economics*) скорее религией, чем ответственным анализом опыта < ... >. Деловые люди, с которыми я беседовал, формулировали очень чётко свои мысли, безусловно, они очень много думали о проблемах управления, были способны ясно их анализировать и говорили мне, что многое из того, чему научились, они узнали из общения с другими менеджерами. Аутсайдер должен также быть способен узнать от них, как управляется бизнес, и это как раз то знание личных проблем, с которыми сталкиваются деловые люди; этого знания не хватает в исследованиях жёсткости заработной платы» [Bewley 1999: 14]. Бьюли, в отличие от Акеллофа, Крэнтона и Шиллера, не прятался за какие-то мейнстримовские ширмы типа поведенческой экономики, и, по-видимому, именно поэтому его работа не имела продолжения³⁵.

В Западной Европе дискурсивный подход применял датский профессор экономики развития и политологии Джон Дегбол-Мартинуссен. В книге «*Policies, Institutions and Industrial Development. Coping with Liberalisation and International Competition in India*» («Политики, институты и промышленное раз-

³⁴ См.: URL: http://cowles.econ.yale.edu/news/bewley/tfb_02-eej_review.htm

³⁵ Последние книги этого учёного, основанные на его курсе, читаемом в Йельском университете, посвящены моделям общего равновесия и теории оптимального роста [Bewley 2007; 2011].

витие. Как Индия справлялась с либерализацией и международной конкуренцией») он так характеризует используемый им подход к исследованию: «Что касается метода и построения исследования, отражённого в данной книге, то я пытался скомбинировать макроэкономический и макрополитический анализы с детальным изучением восприятий и откликов акторов. Это изучение было основано на рассмотрении публичных заявлений, соответствующих документов, на интервью с ключевыми лицами, принимающими решения. Цели интервью состояли в том, чтобы попытаться определить, как (а) политики разрабатывались и были применены на практике; (b) политики и способы их воплощения в жизнь воспринимались теми, кто был вовлечён в принятие политических и административных решений и формулирование корпоративных стратегий; и (c) организации и предприятия, которые они представляли, реагировали на эти политики на практике» [Degnbol-Martinussen 2001: 238]. На начальной стадии своего исследования Дегбол-Мартинуссен беседовал с руководителями компаний, не очень структурируя свои интервью для того, чтобы «выявить институты и интересы, которые определяют их поведение». На основе информации, полученной на этой стадии работы, он строил вопросники для более детальных бесед с интересующими его людьми. Однако он очень быстро увидел, что вопросники с заранее подготовленными ответами совершенно не подходят для такого рода исследования: «Ключевые руководители не соглашались быть настолько ограниченными в своих ответах» [Degnbol-Martinussen 2001: 241]. В конечном счёте, интервью оказались намного менее структурированными, и опрашиваемые руководители уводили беседу в направлении, которое считали имеющим большее отношение к обсуждаемым вопросам [Degnbol-Martinussen 2001: 241]. Всё это соответствует методологическим положениям, изложенным в предыдущем разделе статьи, и полностью согласуется с моим собственным опытом исследований на основе интервьюирования.

В данном разделе статьи мне хотелось бы также рассказать о том, как и почему я сам пришёл к курсивной методологии для проведения экономических исследований. По своему базовому образованию я — экономист-математик, и стал применять качественные методы исследования не потому, что не владел количественными, а из-за того, что понял их ограниченность. На самом деле, мастерски владеть качественными методами ничуть не легче, чем количественными. Ещё будучи студентом второго курса отделения экономической кибернетики экономического факультета МГУ, я освоил модель равновесия конкурентной экономики Эрроу—Дебре [Карлин 1964: 328–333] и читал лекции по ней в рамках Экономико-математической школы перед будущими абитуриентами отделения. Моя кандидатская диссертация была посвящена тем самым моделям-басням, о которых говорил в своей цитируемой выше статье-исповеди Ариэль Рубинштейн. Как и он, я в своё время очень радовался, если удавалось сконструировать абстрактные формальные модели оптимизационного типа [Ефимов 1970а; 1970b] и из манипуляции с символами рождался какой-то смысл [Рубинштейн 2008: 63]. Однако будучи любопытным и очень мотивированным на то, чтобы сделать что-то полезное, уже после защиты в 1971 г. кандидатской диссертации я пытался применить эти модели к конкретным объектам и очень быстро понял их басенный характер, что меня никак не могло удовлетворить. Какое-то очень короткое время у меня была надежда, что (пусть и не на базе математики, а на базе компьютерной имитации) всё-таки можно количественно исследовать экономику. Однако знакомство с психологией, социальной психологией и социологией, которые изучают человеческое поведение, привело меня вскоре к выводу о том, что количественные методы не очень-то способны моделировать это поведение. Решением для меня была попытка изучать жгучие проблемы советской экономики того времени с помощью специфических человеко-машинных имитационных систем — имитационных игр, которые представляют собой что-то вроде синхрофазотронов для проведения лабораторных экономических экспериментов [Ефимов 1978; 1986; 1988]. В конце 1970-х годов я уже был институционалистом и рассматривал метод имитационных игр (*gaming-simulation*) как институциональное моделирование (*institutional modeling*) [Yefimov 1981: 187]. Но для построения имитационных игр нужно было знать, как работает советское предприятие, и я стал частым гостем на машиностроительных, металлургических и текстильных предприятиях. Нужно было знать также, как функционирует Госплан, и я стал частым посетителем в кабинете начальника одного из подотделов Госплана СССР С. Ф. Подчайнова. Мои посещения Госплана и заводов были

связаны с моей работой по построению специального испытательного стенда (имитационной игры), предназначенного для сравнительного анализа влияния различных хозяйственных законодательств на функционирование экономики, созданию которого я посвятил шесть лет (1980–1986 годы), причём два последних года ушли практически исключительно на построение компьютерных программ. Создаваемый мною стенд (имитационная игра) предназначался для того, чтобы служить технической и методической основой проведения лабораторных экспериментов.

Правила моей имитационной игры были моделями хозяйственных законодательств, и для их построения я изучал реальное советское хозяйственное право, которое в значительной степени сводилось к таким нормативным документам, как положения, методики и инструкции. Я хотел сравнить в лабораторных условиях функционирование экономики при советском законодательстве и при альтернативном законодательстве, которое предусматривало бы отказ от многих элементов централизованного планирования. Для построения правил альтернативного сценария я изучал нормативные документы по реформе хозяйственного механизма в Венгрии³⁶. С другой стороны, для построения других элементов экспериментальной установки я пытался получить информацию о реальной работе (функционировании) советских предприятий и других организаций, беседуя с их работниками и задавая им заранее подготовленные вопросы, но в то же время стимулируя их делиться со мной дополнительной информацией, помимо моих вопросов. Вся конструкция игры была нацелена на изучение таких явлений советской экономики, как дефицит, низкая производительность труда, длительные сроки строительства, медленный инновационный процесс.

Для того чтобы ускорить работу по созданию стенда, последние два года я практически был прикован к компьютеру, отлаживал машинные программы. Для этого нужно быть очень мотивированным, и я был таким, ибо считал, что мой стенд позволит, наконец, разобраться в том, почему советская экономическая система хромает, а с другой стороны, он даст возможность опробовать различные проекты по её реформированию. Двигало мной также чувство соревновательности, так как в Центральном экономико-математическом институте АН (ЦЭМИ) целый отдел Е. Г. Ясина занимался разработкой стенда (имитационной игры) с теми же целями. Играло свою роль в моей мотивированности и ощущение, что я являюсь первооткрывателем нового направления в экономической науке — институционалистского моделирования. Сейчас это направление я назвал бы *лабораторной конструктивистской институциональной экономикой*. Проведение экспериментов на моём стенде требовало достаточно больших ресурсов, прежде всего времени, минимум десятка актёров³⁷, а так же необходимы были многотерминальный компьютер (игра была интерактивной) и помещение, примыкающее к залу с терминалами. Исследовательские эксперименты были достаточно длительными: квартал моделировался за полдня, а для того, чтобы делать какие-то выводы, нужно было проиграть функционирование экономики в течение нескольких лет. Я был убеждён, что, как только мой стенд будет готов, многие научные, учебные и некоторые административные учреждения захотят проводить у себя эксперименты на его основе или участвовать в них. Однако каковы же были удивление и разочарование, когда практически никто не выразил желания в этом участвовать! Е. Г. Ясин всячески стимулировал меня оформить докторскую диссертацию, для которой, по его мнению, у меня уже всё было сделано, но помочь в организации экспериментов не пожелал. Я же, наоборот, считал, что стенд создаётся для того, чтобы его использовать, то есть проводить исследовательские эксперименты, и если он не используется, то это означает, что шесть лет моей жизни потрачены впустую. Какое-то время я был просто в шоке, но, посчитав, что всё

³⁶ Знание хозяйственного законодательства и практики его применения или неприменения, которое я почерпнул из бесед с работниками предприятий и учреждений, позволило мне произвести подробный, резко критический анализ предлагаемого комиссией, возглавляемой А. Г. Аганбегяном, проекта закона «О государственном предприятии (объединении)»; см. мою, совместно с Т. И. Заславской, статью в газете «Советская Россия» (24 марта 1987 г.).

³⁷ В отличие от Вернона Смита я предполагал участие в своих экспериментах не студентов, а реальных руководителей, которые должны привнести в эксперимент свой опыт, ценности и неформальные правила.

это из-за того, что мой стенд слишком сложен, эксперименты на нём имитировали функционирование национальной экономики, решил сделать более простой стенд, эксперименты на котором были бы намного дешевле. При этом, конечно, о народнохозяйственном уровне нечего было и думать, но в то же время мне требовался объект более-менее замкнутый, с точки зрения управленческих воздействий, так как в противном случае эксперименты с ним теряли бы смысл.

Мой выбор пал на районный агропромышленный комплекс, и я стал изучать сельское хозяйство, пищевую переработку и другие отрасли комплекса. Сотрудник Т. И. Заславской в Новосибирском Академгородке, В. Д. Смирнов, стал моим гидом в путешествии в эту новую для меня область, причём не только фигурально, так как взял меня с собой в экспедицию на Алтай. После возвращения в Москву нужно было выбрать конкретный сельский район, который мог бы служить прототипом для моей будущей имитационной игры, и им стал Переславский район Ярославской области. Близкое знакомство с районом началось в 1988 г. и быстро привело меня к решению, что вместо построения стенда для проведения *лабораторных экспериментов*, я буду проводить с этими же целями в этом районе *натурный эксперимент*, и он будет заключаться в попытке фермеризации этого района. Эксперимент длился с моим участием до 1991 г., и его значение для моего формирования как экономиста-экспериментатора трудно переоценить. Это было мое первое исследование действием, когда я в полной мере ощущал на себе латуровское «сопротивление объекта исследования» тому, что я о нём думаю. Попытки изменить объект, исходя из моего понимания, приводили к неожиданным реакциям, которые, будучи осмысленными, *давали либо изменения в его понимании, либо приращения в этом понимании*. В частности, мною достаточно скоро было отброшено общепринятое понимание колхозов и совхозов как предприятий — они были просто цехами в предприятии, называвшемся «район», которым руководил первый секретарь райкома КПСС. Явления и закономерности, с которыми сталкивался я в течение двух лет эксперимента в Переславском районе, потом, через несколько лет, воспроизводились в массовом порядке по всей России. Своим опытом, полученным в ходе эксперимента, я делился с читателями газеты «Известия»³⁸, а также работая в экспертных группах комиссий Президиума Верховного Совета СССР, разрабатывающих закон «О кооперации в СССР» (1988) и «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» (1990). В 1990 г., когда был опубликован проект Земельного кодекса РСФСР, этот опыт позволил мне сделать его резко критический анализ³⁹.

После переславского опыта мне удалось ещё раз провести исследование действием в рамках проекта, финансируемого Европейской комиссией и посвящённого экспериментальной приватизации североказахстанских совхозов (1995–1997)⁴⁰. Это исследование имело решающее значение для моего окончательного понимания природы явления «Советское сельское хозяйство». Именно тогда я понял игнорируемую всеми, в том числе советскими (российскими) и западными экономистами-аграрниками, действительную природу личных подсобных хозяйств (ЛПХ) как *прямого продолжения дореволюционных крестьянских хозяйств*. Центральная роль этих хозяйств в жизни сельского населения определила сохранение коллективистских форм, а выпадение КПСС из системы управления при таком сохранении неизбежно и достаточно быстро приводило к полной деградации сельского хозяйства, что и наблюдалось на всём постсоветском пространстве.

В своих исследованиях, посвящённых институциональным преобразованиям в сельском хозяйстве России [Yefimov 2001a; 2001b; 2003; Ефимов 2009; 2010], я пришёл к выводу, что аграрные институциональные изменения у нас следуют определённым циклам. Аграрные потрясения в России, такие как отмена крепостного права (1861 г.), Столыпинская реформа (1906 г.), Октябрьская революция (1917 г.), коллективизация конца 1920-х — начала 1930-х годов, а также постсоветские реформы 1990-х годов,

³⁸ В 1989 г. в этой газете были опубликованы две мои статьи.

³⁹ См. мою статью в газете «Сельская жизнь» (18 и 30 сентября 1990 г.).

⁴⁰ Результаты этих исследований были опубликованы в работе: [Yefimov 1997].

не меняли полностью аграрную институциональную систему, а только видоизменяли её. Мне стало понятно также, что идеи и дискурсы играют решающую роль в институциональных изменениях. В рамках исследования проводились обследования в нескольких регионах России. Только в Самарской области в августе-сентябре 1999 г. продолжительные беседы-интервью были проведены с 53 акторами разного уровня. Тщательному анализу были подвергнуты законодательные акты и политические дискурсы (в частности, аграрные программы политических партий начала и конца XX в. и тексты статей и докладов политических деятелей). В результате сравнительного анализа аграрных институтов, действующих в России в разные исторические периоды, был сделан вывод о существовании некой особой русской аграрной институциональной системы, состоящей из четырёх институтов⁴¹, действующих в России начиная с возникновения Московской Руси. Базовым институтом в ней всегда было, и во многом остаётся и сейчас, *крестьянское хозяйство*, роль которого в советское и постсоветское время стало играть так называемое личное подсобное хозяйство. Вторым институтом русской аграрной институциональной системы является *сельская община*, в советское время заменённая колхозом. Институт *государственных органов территориального управления* является третьим институтом русской аграрной институциональной системы. Наконец, четвёртым, последним, но не последним по важности, институтом русской аграрной институциональной системы было на протяжении столетий *поместье-вотчина*. В соответствии с официальной советской версией колхоз рассматривался как сельскохозяйственное кооперативное предприятие. На самом деле он не был ни кооперативом, ни предприятием, а был, с одной стороны, цехом районного сельскохозяйственного предприятия (государственного поместья-вотчины), во главе которого стоял первый секретарь райкома КПСС, а с другой — историческим продолжением сельской общины с близкими к ней функциями. В послесталинский период, особенно с конца 1960-х годов, совхоз мало чем отличался от колхоза. Все четыре вышеназванные института были тесно связаны между собой, и понять их функционирование и эволюцию можно, только рассматривая, как они взаимодействуют друг с другом. На разных этапах своего исторического развития эта институциональная система видоизменяется, сохраняя своё ядро. Проведённый анализ помог разобраться в том, почему потерпели неудачи те аграрные преобразования в России, у истоков которых стояла либеральная идеология, и пролить свет на то, что происходит с российским сельским хозяйством сейчас. В частности, этот анализ объясняет практическое фиаско политики фермеризации страны, проводимой российским правительством в 1990-е годы, и тех серьёзных проблем, с которыми столкнулась сменившая её в начале XXI в. ориентация на создание агрохолдингов.

Закljučая рассказ о моих исследованиях, я хочу подчеркнуть, что только благодаря использованию дискурсивной методологии удалось выявить фундаментальные закономерности функционирования изучаемых объектов, которые ускользали от глаз как консультантов, так и научных работников, не вступавших в непосредственный контакт с акторами и не изучавших тексты, ими производимые. Понимание или непонимание такого типа закономерностей во многом определяет успех или неуспех разработки и осуществления институциональных преобразований.

* * *

Прочтя данный раздел статьи, читатель-экономист, возможно, и согласится, что дискурсивный подход является эффективным методом исследования социально-экономических проблем, однако подумает, что этот метод нужно отнести к социологии, и ему не место в экономической науке, так как он совер-

⁴¹ Современная российская статистика сельского хозяйства выделяет три типа хозяйств: сельскохозяйственные организации; хозяйства населения (прежде всего так называемые личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельского населения); крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ). Названия двух последних типов хозяйств связаны с идеологиями, лежащими в основе их законодательного закрепления. Сейчас можно констатировать, что идеологии, лежащие в основе названий ЛПХ и КФХ, не оправдались. Как-то не поворачивается язык назвать подсобными хозяйства, производящие более половины валовой сельхозпродукции страны, а с другой стороны, семейные высокотоварные фермы играют в современной России скорее маргинальную роль, производя незначительную часть валовой продукции.

шенно не соответствует тому, что в большинстве случаев понималось и понимается под экономической наукой. Действительно, в настоящее время дискурсивный подход применяется намного чаще в социологии, антропологии и политологии, чем в экономической науке, но мы увидим во второй части этой статьи, что *так было не всегда*⁴². Сейчас же только отметим, что дисциплинарные рамки всегда условны и в каждый отдельный момент являются результатом дисциплинарной эволюции, сводящейся к эволюции профессиональных культур дисциплинарных сообществ. Эволюции зависят, с одной стороны, от пройденного пути последовательных поколений «свидетелей», а с другой — от решений «судей» (см. рис. 2), которые могут просто отсечь какие-то неприемлемые для них направления развития дисциплинарной культуры. Такое отсечение дискурсивного подхода от экономической дисциплины и произошло на рубеже XIX и XX вв., предопределив результат спора о методах (*Methodenstreit*).

Экономическая социология погружена в социологическую дисциплинарную культуру, которая следует своим четырём традициям — традиции конфликта Маркса и Вебера; ритуальной солидарности Дюркгейма; микроинтеракционистской традиции Мида, Блумера и Гарфинкеля; утилитарно-рациональной традиции выбора [Коллинз 2009]. Среди них только микроинтеракционистская традиция непосредственно связана с дискурсивным подходом. Митчел Аболафия [Abolafia 1996; Аболафия 2004; 2007] является, наверное, одним из немногих экономсоциологов, которые следуют микроинтеракционистской традиции. Книга Аболафия «*Making Markets*» («Созидание рынков») [Abolafia 1996] и его статья «*Making Sense of Recession : Towards an Interpretative Theory of Economic Action*» («Как вырабатывается понимание экономического спада: интерпретативная теория хозяйственного действия») [Аболафия 2007] представляют собой великолепные образцы дискурсивного анализа финансовых институтов. Экономическая социология Аболафии, основанная на этнографическом подходе [Аболафия 2004], есть почти не что иное, как конструктивистская, или интерпретативная [Ефимов 2007], институциональная экономика. Я говорю «почти», потому что его исследования (за исключением последних, касающихся пузырей), об одном из которых пойдёт речь ниже, не были нацелены на понимание каких-то экономических явлений, например инфляции, безработицы, экономического роста или рецессии и т. д. Аболафия просто изучал финансовые институты. Конструктивистская институциональная экономика должна изучать институты, не только чтобы понять, как они работают, но также чтобы обрести понимание определённых экономических явлений и уметь их предвидеть. Для России такими явлениями могут быть высокие затраты на госзакупки, низкая инновационная динамика, недостаточный прилив капиталов и достаточно активное их бегство. Экономсоциологи мало интересуются статистикой экономических показателей, например, таких, как объёмы производства, цены, процентные ставки, капиталовложения и т. д. Но для того, чтобы выявлять и отслеживать экономические явления, это абсолютно необходимо делать. Можно сказать, что экономстатистический мониторинг, осуществляемый довольно легко и дешево, должен направлять этнографический мониторинг институтов, связанных с экономикой, практиковать который значительно тяжелее и дороже. Шиллер и Бейкер именно так и делали. Тот раздел российской экономической социологии, который пойдёт методологически за Аболафией и возьмёт на себя этнографический мониторинг российских институтов, влияющих на национальную экономику, сможет, на мой взгляд, эффективно выполнять социальную функцию экономической профессии, заключающуюся в понимании и предвидении экономических явлений, но это будет уже иная — по сравнению с сегодняшней — экономическая профессия [Yefimov 2010].

Недавний финансовый кризис направил усилия ряда экономсоциологов на то, чтобы попытаться понять явления нестабильности финансовых рынков. Сборник статей «*Markets on Trial. The Economic So-*

⁴² Ещё до того, как в начале XX в. У. Томас и И. Ф. Знанецкий осуществили свое знаменитое исследование «*The Polish Peasant in Europe and America*» («Польский крестьянин в Европе и Америке») [Thomas, Znaniecki 1926], основанное на анализе текстов [Ганжа 2007], новая немецкая историческая школа Густава Шмоллера и американский институционализм Уолтона Гамильтона и Джона Коммонса начали проводить исследования на основе дискурсивного подхода. Причём, что важно отметить, оба эти направления были не какими-то маргинальными, а доминировали в экономической науке этих стран того времени.

ciology of the US Financial Crisis» («Судебное разбирательство над рынками. Экономическая социология финансового кризиса в США») [Lounsbury, Hirsch 2010] нацелен именно на это. Одним из авторов этого сборника является Митчел Аболафия [Abolafia 2010]. В статье, основываясь на конструктивистской методологии и опираясь на свой богатый опыт дискурсивного анализа американских финансовых институтов, он утверждает, что знания, которые позволили бы предвидеть набухание и лопание пузыря, существовали, но они не были использованы из-за институциональных давлений, связанных с целями руководящих политических сил [Abolafia 2010: 492]. Аболафия рассматривает институт академической экономики, питающий главенствующий дискурс политических институтов и поставляющий кадры для финансовых организаций и государственных структур регулирования, ответственным за нестабильность рынков в настоящем и вероятное воспроизведение этой нестабильности в будущем [Abolafia 2010: 487–492]. Для того чтобы покончить с порочным влиянием идеологии рыночного фундаментализма⁴³ на экономическую политику и государственные структуры, призванные регулировать рынок, Аболафия предлагает «создать в университетах магистерские и докторские программы по финансовому регулированию. Эти программы должны быть междисциплинарными и включать курсы по истории финансовых рынков, политике регулирования, сравнительным регулятивным системам, административному и регулятивному праву, экономической социологии, поведенческим финансам, а также финансам и экономике регулирования. Курсы по выбору должны концентрироваться на ценных бумагах, банковском деле, анализе риска и т. д. Центральной предпосылкой этих программ было бы то, что рынки институционально укорены и что хорошее регулирование уравнивает рыночный рост со стабильностью и дисциплиной. Студенты должны будут пройти в рамках этих программ стажировки в нескольких агентствах регулирующих финансовую деятельность. Целью этих программ должно быть создание профессиональных кадров с положительным взглядом на регулирование» [Abolafia 2010: 494]. Почему бы не создать такие программы в российских университетах?

Окончание статьи будет опубликовано в следующем номере журнала.

Литература

- Аболафия М. 2004. Рынки как культуры: этнографический подход. В сб.: Радаев В. В. (ред. и сост.). *Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики*. М.: РОССПЭН.; 431–444.
- Аболафия М. 2007. Как вырабатывается понимание экономического спада: интерпретативная теория хозяйственного действия. В сб.: Добрякова М. С., Радаев В. В. (отв. ред.). *Анализ рынков в современной экономической социологии*. М.: ИД ГУ ВШЭ; 253–279.
- Акерлоф Дж., Шиллер Р. 2010. *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма*. М.: ООО «Юнайтед Пресс».
- Акерлоф Дж., Крэнтон Р. 2011. *Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны*. М.: Карьера Пресс.
- Ананьин О. И., Одинцова М. И. 2000. Методология экономической науки: современные тенденции и проблемы. *Истоки*. М.: ИД ГУ ВШЭ; 4; 92 – 137.
- Бахтин М. М. 2003. К философии поступка. В: Бахтин М. М. *Собрание сочинений: В 7 т.* М.: Русские словари; Языки славянской культуры. Т. 1; 7–68.

⁴³ Рыночный фундаментализм Аболафия определяет как веру в то, что рынок и заинтересованность банкиров в прибыли являются саморегулирующей силой [Abolafia 2010: 481].

- Белановский С. А. 2001. *Глубокое интервью*. М.: Никколо-Медиа.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
- Блауг М. 2004. *Методология экономической науки или как экономисты объясняют*. М.: НП «Журнал “Вопросы экономики”».
- Брокмейер Й., Харре Р. 2000. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*. 3: 29–42.
- Выготский Л. С. 1966. Игра и её роль в психическом развитии ребёнка. *Вопросы психологии*. 6: 62–68.
- Выготский Л. С. 2004. Мышление и речь. В кн.: Выготский Л. С. *Психология развития человека*. М.: Смысл; ЭКСМО; 664–1019.
- Ганжа А. О. 2007. К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». *Социологические исследования*. 7: 115–121.
- Гейзенберг В. 2006. *Избранные философские работы*. СПб.: Наука.
- Гирц К. 2004. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН.
- Ефимов В. М. 1970а. Исследование стохастических экстремальных задач при помощи функционального анализа. *Кибернетика*. 3: 63–68.
- Ефимов В. М. 1970б. Оптимальные оценки в условиях неопределенности. *Экономика и математические методы*. 3: 464–469.
- Ефимов В. М. 1978. К теории управленческих имитационных игр. В кн.: *Динамическая и вероятностная оптимизация экономики*. Новосибирск: Наука; 132–174.
- Ефимов В. М. 1986. Игровая имитационная модель для исследования проблем хозяйственного механизма. *Экономика и математические методы*. 4: 651–661.
- Ефимов В. М. 1988. *Имитационная игра для системного анализа управления экономикой*. М.: Наука.
- Ефимов В. М. 2007. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики. *Вопросы экономики*. 8: 49–67. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/19146229>
- Ефимов В. М. 2009. Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы. *Мир России*. 1: 74–116. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/24971495>
- Ефимов В. М. 2010. Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ). *Вопросы регулирования экономики*. 3: 8–91. URL: <http://humper.ru/journals/jer1.3.pdf>
- Карлин С. 1964. *Математические методы в теории игр, программировании и экономике*. М.: Мир.
- Квале С. 2009. *Исследовательское интервью*. М.: Смысл.

- Коллинз Р. 2009. *Четыре социологических традиции*. М.: Территория будущего.
- Коэн М., Нагель Э. 2010. *Введение в логику и научный метод*. Челябинск: Социум.
- Кун Т. 2002. *Структура научных революций*. М.: АСТ.
- Латур Б. 2006а. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки. В кн.: Вахштайн В. С. (отв. ред.). *Социология вещей*. М.: Территория будущего; 342–366.
- Латур Б. 2006б. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Европейский университет.
- Леонтьев В. 1972. Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты. *США: экономика, политика, идеология*. 9: 101–104.
- Милль Дж. С. 2011 (1843). *Система логики силлогистической и индуктивной*. М.: Ленанд.
- Моркина Ю. С. 2010. Конструктивизм Б. Латура и С. Вулгара — на пересечении научных дисциплин. *Эпистемология и философия науки*. 24 (2): 130–147.
- Нефёдова Т. 2003. *Сельская Россия на перепутье. Географические очерки*. М.: Новое издательство.
- Нефёдова Т., Пэллот Дж. 2006. *Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова*. М.: Новое издательство.
- Отмахов П. А. 2000. «Риторическая» концепция метода в экономической теории. *Истоки*. М.: ИД ГУ ВШЭ: 4: 138 – 176.
- Пирс Ч. С. 2000а. *Избранные произведения*. М.: Логос.
- Пирс Ч. С. 2000б. *Начала прагматизма*. СПб.: Алетейя.
- Поправко Н. В. 1997. Berelowitch A., Wiewiorka M. Les Russes d'en bas: Enquête sur la Russie post-communiste. Paris: Seuil 1996. 439 p. [Рецензия на книгу] *Социологический журнал*. 1–2. URL: <http://www.socjournal.ru/article/335>
- Пржиленский В. И. (отв. ред.). 2005. *Классическая философия науки. Хрестоматия*. М.; Ростов-на-Дону: MapT.
- Расков Д. Е. 2006. Экономическая теория как риторика. *Проблемы современной экономики*. 1/2 (17/18). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21171>
- Рубинштейн Ар. 2008. Дилеммы экономиста-теоретика. *Вопросы экономики*. 11: 62–80.
- Самуэльсон П., Барнетт У. (отв. ред.) 2009. *О чём думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами*. М.: Сколково.
- Сапир Ж. 2001. *К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики*. М.: ИД ГУ ВШЭ.

- Сачков Ю. В. 2003. *Научный метод. Вопросы и развитие*. М.: УРСС.
- Светлов В. А. 2008. *История научного метода*. М.: Академический проект.
- Семёнова В. В. 1998. *Качественные методы: введение в гуманистическую социологию*. М.: Добросвет.
- Солсо Р., Маклин К. 2006. *Экспериментальная психология*. СПб.: Прайм-Еврознак.
- Стёпин В. С. 2003. *Теоретическое знание (структура, историческая эволюция)*. М.: Прогресс-Традиция.
- Стёпин В. С. 2009а. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия. В кн.: *Постнеклассика. Философия, наука, культура*. М.: СПб.: ИД «Миръ»; 249–295.
- Стёпин В. С. 2009б. Конструктивизм и проблема научных онтологий. В кн.: *Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке*. М.: Канон + РООИ «Реабилитация»; 41–63.
- Страус А., Корбин Д. 2001. *Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники*. М.: УРСС.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Ветер Е. 2009. *Методы анализа текста и дискурса*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Улановский А. М. 2004. Теория речевых актов и социальный конструктивизм. *Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода*. 1: 88–98.
- Улановский А. М. 2006. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии. *Вопросы психологии*. 3: 27–37.
- Улановский А. М. 2009а. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы. *Психологический журнал* 2: 18–28.
- Улановский А. М. 2009б. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация. *Вопросы психологии*. 2: 35–45.
- Улановский А. М. 2010. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма. В кн: Касавин И. Т. (отв. ред.). *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы*. М.: Канон + РООИ «Реабилитация»; 279–298.
- Фейербенд П. 2007. *Против метода. Очерк анархистской теории познания*. М.: Хранитель.
- Фридмен М. 1994. Методология позитивной экономической науки. *THESIS*. 4: 20–52.
- Футуботн Э., Рихтер Р. 2005. *Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории*. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета.
- Штейнберг И. et al. 2009. *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб.: Алетейя.

- Abolafia M. Y. 1996. *Making Markets. Opportunism and Restraint on Wall Street*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Abolafia M. Y. 2010. The Institutional Embeddedness of Market Failure: Why Speculative Bubbles Still Occur. In: Lounsbury M., Hirsch P. M. (eds). *Markets on Trial. The Economic Sociology of the US Financial Crisis*. Bingley, UK: Emerald; 479–502.
- Backhouse R. E. (ed.). 1994. *New Directions in Economic Methodology*. London: Routledge.
- Backhouse R. E. 1998. *Explorations in Economic Methodology. From Lakatos to Empirical Philosophy of Science*. Abingdon, Oxon: Routledge.
- Baker D. 2002. *The Run-up in Home Prices: Is it Real or Is It Another Bubble?* Washington, DC: Center for Economic and Policy Research.
- Baker D. 2008. *Plunder and Blunder — The Rise and Fall of the Bubble Economy*. Sausalito, California: PoliPointPress.
- Baker D., Weisbrot M. 1999, *Social Security. The Phony Crisis*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Berelowitch A., Wieviorka M.. 1998. *Les Russes d'en bas*. Paris: Seuil.
- Bewley T. F. 1999. *Why Wages Don't Fall during a Recession*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press.
- Bewley T. F. 2007. *General Equilibrium, Overlapping Generations Models, and Optimal Growth Theory*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press.
- Bewley T. F. 2011. *A Solutions Manual for General Equilibrium, Overlapping Generations Models, and Optimal Growth Theory*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press.
- Bloor D. 1997. *Wittgenstein, Rules and Institutions*. London; New York: Routledge.
- Boumans M., Davis J. B. 2010. *Economic Methodology. Understanding Economics as a Science*. Basingstoke ; Hampshire, UK: Palgrave Macmillan.
- Bryant A., Charmaz K. 2007. *The Sage Handbook of Grounded Theory*. Thousand Oaks: Sage Publications.
- Burt E. A. 2003. *The Metaphysical Foundations of Modern Science*. New York: Dover Publications.
- Bush P. D. 1993. The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective. In: Tool M. R. (ed.). *Institutional Economics: Theory, Method, Policy*. Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers: 59–118.
- Caldwell B. J. 1982. *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*. London: George Allen & Unwin (Publishers) Ltd.

- Charmaz K. 2006. *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks: Sage Publications.
- Clandinin D. J., Connelley F. M. 2000. *Narrative Inquiry. Experience and Story in Qualitative Research*. San Francisco: John Wiley & Sons.
- Craig D. V. 2009. *Action Research Essentials*. San Francisco, California: John Wiley & Sons.
- De Marchi N. (ed.) 1992. *Post-Popperian Methodology of Economics: Recovering Practice*. Norwell, Massachusetts: Kluwer Academic Publishers.
- Degnbol-Martinussen J. 2001. *Policies, Institutions and Industrial Development. Coping with Liberalisation and International Competition in India*. New Delhi: Sage Publications.
- Denzin N. F., Lincoln Y. S. (eds). 2005. *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: Sage Publications.
- Dey I. 1999. *Grounding Grounded Theory. Guidelines for Qualitative Research*, London: Academic Press.
- Dow S. C. 2002. *Economic Methodology: An Inquiry*. Oxford: Oxford University Press.
- Edwards D. 1997. *Discourse and Cognition*. London: Sage Publications.
- Edwards D., Potter J. 1992. *Discursive Psychology*. London: Sage Publications.
- Elliott J. 2005. *Using Narrative in Social Research. Qualitative and Quantitative approaches*. London: Sage Publications.
- Gillespie M. A. 2008. *The Theological Origins of Modernity*. Chicago; London : The Chicago University Press.
- Gilson E. 1930. *Etudes sur le Rôle de la Pensée Médiévale dans la Formation du Système Cartésien*. Paris: Vrin.
- Gower B. 1997. *Scientific Method. An Historical and Philosophical Introduction*. London; New York: Routledge.
- Greenwood D. J., Levin M. 1998. *Introduction to Action Research. Social Research for Social Change*. Thousand Oaks: Sage Publications.
- Jevons W. S. 1958 (1873). *The Principles of Science. Treatise on Logic and Scientific Method*. New York: Dover Publications.
- Hands D. W. 2001. *Reflection without Rules. Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harré R. 1974. Blueprint for a New Science. In: Armistead N. (ed.). *Reconstructing Social Psychology*. Harmondsworth: Penguin.

- Harré R. 1994. Obituary: Professor Sir Karl Popper. *The Independent*. 19 September. URL: <http://www.independent.co.uk/news/people/obituary-professor-sir-karl-popper-1449760.html>
- Harré R., Gillett G. 1994. *The Discursive Mind*. Thousand Oaks; London; New Dehli: Sage Publications.
- Harré R., Secord P. 1972. *The Explanation of Social Behaviour*. Oxford: Basil Blackwell.
- Harré R., Stearns P. (eds) 1995. *Discursive Psychology in Practice*. London: Sage Publications.
- Hausman D. M. 1992. *Essays on Philosophy and Economic Methodology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kahneman D., Tversky A. (eds) 2000. *Choices, Values, and Frames*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaufmann J.-C. 2004. *L'entretien compréhensif*. Paris: Armin Colin.
- Keynes J. M. 2006 (1920). *A Treatise on Probability*. New York: Cosimoclassics.
- Kitching G., Pleasants N. (eds). 2002. *Marx and Wittgenstein. Knowledge, morality and politics*. London; New York: Routledge.
- Knorr-Cetina K. 1981. *The Manufacture of Knowledge. An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. Oxford, New York: Pergamon Press.
- Knorr-Cetina K. 1991. Epistemic Cultures: Farms of Reason in Science. *History of Political Economy*. 1: 105–122.
- Knorr-Cetina K. 1999. *Epistemic Cultures. How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Latour B. 1997. *Nous n'avons jamais été modernes. Essai d'anthropologie symétrique*. Paris: La Découverte.
- Latour B. 2001. *Pasteur: guerre et paix des microbes*. Paris: La Découverte.
- Latour B. 2005. *La vie de laboratoire: La production des faits scientifiques*. Paris: La Découverte.
- Latour B. 2006. *Changer de société. Refaire de la sociologie*. Paris : La Découverte.
- Latour B., Woolgar S. 1979. *Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts*. Losangeles; London: Sage.
- Leroux A., Livet P. (eds). 2006. *Leçons de philosophie économique. Tome II: Economie normative et philosophie morale*. Paris: Economica.
- Lounsbury M., Hirsch P. M. (eds). 2010. *Markets on Trial. The Economic Sociology of the US Financial Crisis*. Bingley, UK: Emerald.

- McCloskey D. 1985. *The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press.
- McCloskey D. 1994. *Knowledge and Persuasion in Economics*. Cambridge University Press.
- Mäki U. 1993. Economics with Institutions. Agenda for Methodological Enquiry. In: Mäki U., Gustafsson B., Knudsen Ch. (eds). *Rationality, Institutions & Economic Methodology*. London; New York: Routledge; 3–42.
- Mäki U. (ed.) 2002. *Fact and Fiction in Economics. Models, Realism and Social Construction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mäki U., Gustafsson B., Knudsen Ch. (eds). 1993. *Rationality, Institutions & Economic Methodology*. London; New York: Routledge.
- Mini P. 1994. Cartesianism in Economics. In: Hodgson G. M., Samuels W. J., Tool M. R. (eds). *The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics*. Aldershot, UK: Edward Elgar. 1; 38–42.
- Nelson R. H. 2001. *Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond*. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Paillé P. (ed.). 2006. *La méthodologie qualitative. Postures de recherche et travail de terrain*. Paris: Armin Colin.
- Paillé P., Mucchielli A. 2005. *L'analyse qualitative en sciences humaines et sociales*. Paris: Armin Colin.
- Peirce C. S. 1998. *The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings*. Bloomington: Indiana University Press. 2.
- Pestre D. 2006. *Introduction aux Science Studies*. Paris: La Découverte.
- Potter J. 1996. *Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction*. London: Sage Publications.
- Poupart J. et al. 1997. *La recherche qualitative. Enjeux épistémologiques et méthodologiques*. Boucherville, Quebec: Gaëtan Morin.
- Reason P., Bradbury H. (eds). 2006. *Handbook of Action Research.*, Thousand Oaks: Sage Publications.
- Rousseau J.-J. 2002. *Discours sur l'économie politique*. Paris: Vrin.
- Sapir J. 2005. *Quelle économie pour le XXIe siècle ?* Paris: Odile Jacob.
- Schank R. C., Abelson R. P. 1977. *Scripts, Plans, Goals, and Understanding*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Schank R. C., Abelson R. P. 1995. Knowledge and Memory: The Real Story. In: Wyer Robert S., Jr. (ed.). *Knowledge and Memory: The Real Story*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates: 1–85.
- Schmoller G. 1998. *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag.

- Secada J. 2000. *Cartesian Metaphysics. The Scholastic Origins of Modern Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shiller R. J. 1989. *Market Volatility*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
- Shiller R. J. 2005. *Irrational Exuberance*. 2nd ed. New York: Broadway Books.
- Shiller R. J. 2008. *The Subprime Solution. How Today's Global Financial Crisis Happened, and What to Do about It*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Stringer E. T. 1999. *Action Research*, Thousand Oaks: Sage Publications. 1999.
- Thomas W. I., Znaniecki F. 1926. *The Polish Peasant in Europe and America*. 2 vols. New York: Knopf.
- Traweek Sh. 1988. *Beamtimes and Lifetimes. The World of High Energy Physicists*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Van Langenhove L. (ed.). 2010] *People and Society. Rom Harré and Designing the Social Sciences*. London; New York: Routledge.
- Waterman A. M. C. 2004. *Political Economy and Christian Theology Since the Enlightenment. Essays in Intellectual History*. New York: Palgrave Macmillan.
- Wittgenstein L. 2009. *Philosophische Untersuchungen. Philosophical Investigations*. Chichister, UK: Wiley-Blackwell.
- Wieviorka M. 2008. *Neuf Leçons de Sociologie*. Paris: Robert Laffont.
- Wilkinson N. 2008. *An Introduction to Behavioral Economics*. New York: Palgrave Macmaillan.
- Yefimov V. 1981. Gaming-simulation of the Functioning of Economic Systems. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2: 187–200.
- Yefimov V. 1997. Approche institutionnelle de l'analyse de la transition (le cas de l'agriculture du Nord-Kazakhstan). *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2: 99–119.
- Yefimov V. 2001a. Continuité et recomposition des régimes agraires russes dans le siècle. *Economie et Société. Série «Développement, croissance et progrès», «Développement–III»*. 9–10: 1439–1473.
- Yefimov V. 2001b. Structures sociales en Russie, cellules et réseaux. *Nouveaux Cahiers de l'IUED*. Collection Enjeux. 12: 29–52.
- Yefimov V. 2003. *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.
- Yefimov V. 2010. Vers une autre science économique (et donc une autre institution de cette science). *Revue du MAUSS permanente*. 10 mai 2010 (on line – en ligne). URL: <http://www.journaldumauss.net/spip.php?article686>